

Поправка на человека

роман

Братья Романовы

Поправка на человека

«Автор»

2026

Романовы Б.

Поправка на человека / Б. Романовы — «Автор», 2026

Семеро наблюдают за человечеством уже очень давно. Они способны рассчитывать последствия решений, предсказывать поведение людей и исправлять ошибки, на устранение которых у целых цивилизаций уходят столетия. Но есть проблема: люди упорно поступают не так, как следовало бы. Один человек оказывается важнее безупречного расчёта. Небольшая ошибка переживает своего создателя. А попытка помочь может изменить гораздо больше, чем предполагалось. От древних дорог до строительства великих пирамид Семеро пытаются разобраться в существе, которое невозможно окончательно понять даже тогда, когда знаешь о нём почти всё. «Поправка на человека» — философская фантастика с элементами абсурдистской прозы о цене совершенства и странной способности людей придавать смысл тому, что не поддаётся расчёту.

© Романовы Б., 2026

© Автор, 2026

Братья Романовы

Поправка на человека

Глава 1

Поправка на человека

Философская фантастика

Наблюдатели

Никто из Семерых не помнил, кто первым предложил правило о невмешательстве.

Архив утверждал, что помнит, и даже называл момент, когда решение было принято. Шут возражал: если принять версию Архива, выходило, что правило утвердили уже после первого нарушения. Мера считала спор бессмысленным. Правило от этого не становилось менее необходимым.

Они снова обсуждали его из-за человека.

Человек сидел возле дороги и чинил обувь. Кожа на сандалии порвалась; он пытался соединить края нитью, зажатой между зубами. Рядом лежал узел с едой. Солнце постепенно уходило за холмы, а до ближайшего селения оставалось несколько часов пути.

— Он не успеет до темноты, — сказал Семь.

— Успеет, если перестанет чинить, — ответила Мера.

— Тогда пойдёт босиком.

— Да.

— На дороге острые камни.

— Я вижу.

Семь опустился рядом с дорожным столбиком, которого человек не замечал.

— Можно дать ему другую пару.

— Можно, — согласилась Мера. — А завтра ещё одну. И поправить дорогу. И построить селение ближе, чтобы люди меньше ходили. Но мы приехали не для этого.

— Я знаю.

— Тогда почему ты каждый раз спрашиваешь?

— Потому что каждый раз это другой человек.

Они находились достаточно далеко от обычного человеческого зрения, хотя при желании могли быть увидены и услышаны. Это требовало некоторой осторожности. Шут однажды заметил, что нетрудно произвести впечатление на человека, появившись там, где тебя только что не было; гораздо сложнее убедить его после этого обсуждать испорченный ужин.

Архив считал это наблюдение достойным сохранения.

— Он всё-таки сделает себе новые сандалии, — сказал Садовник, посмотрев на путника.
— Если дойдёт домой.

— Если не повредит ногу, — добавил Порог.

Порог не любил необратимых происшествий. Особенно тех, которых можно было избежать небольшим усилием. Ему было трудно принять, что иногда люди сознательно отказываются от гарантированного результата ради решения, которое считают своим.

— Я предлагаю ему помочь, — сказал Семь. — Не всем людям сразу. Одному.

— Ты предлагаешь это каждый раз, — заметила Мера.

— Не каждый.

Люмен проверил, насколько прочен узел, который завязывал человек.

— Можно было сделать проще, — сказал он. — Другой способ крепления держался бы дольше.

— Покажи ему, — предложил Шут.

— Не собираюсь.

— Тогда зачем говоришь?

Люмен отвернулся.

Семеро не были похожи друг на друга. Даже имена, которыми они пользовались, обозначали скорее привычки, чем происхождение.

Архив сохранял всё, к чему остальные не хотели возвращаться: неудачные версии решений, случайные разговоры, неверные догадки. Он считал, что отсутствие пользы сегодня ничего не говорит о пользе завтра.

Люмен любил понимать, как устроена вещь, и раздражался, когда люди добивались результата способом, который он считал неудачным. Его ещё сильнее раздражало, когда этот способ срабатывал.

Мера видела не только отдельного путника, но и всех тех, кто мог оказаться на той же дороге завтра. Она предпочитала исправлять причины повторяющейся беды, а не её очередное следствие.

Порог возвращался к вопросам, которые остальные считали закрытыми: что именно прекращается, когда кто-то умирает, что остаётся после него и можно ли назвать продолжением то, что существует лишь как замена.

Шут любил разговоры. Особенно те, которые начинались с недоразумения и не заканчивались после того, как недоразумение исчезало.

Садовник прежде всего смотрел на последствия. После каждого удачного исправления он искал то живое, что это исправление случайно вытеснило, сломало или лишило будущего.

Семь не выделялся особой областью работы. Он просто слишком долго помнил людей, с которыми разговаривал, и возвращался к ним, даже когда все необходимые наблюдения были завершены.

Они бы поспорили с каждым из этих описаний.

И были бы правы.

Внизу человек закончил чинить сандалию. Он поставил её на землю, наступил, прошёл несколько шагов и остановился. Узел держался плохо.

Человек вернулся, сел на камень и принялся развязывать нить.

— Смотри, — сказал Люмен. — Я предупреждал.

— Он тебя не слышал, — заметил Шут.

— Это не отменяет моей правоты.

Мера посмотрела на холмы.

— Нам надо идти.

— Куда? — спросил Семь.

— К следующему событию.

Они двигались между эпохами не так, как путешественник переезжает из одного города в другой. Иногда возвращались в давно покинутое столетие. Иногда видели следствие раньше причины. Это не означало, что историю можно переписать: всё, к чему они прикасались, уже принадлежало ей, даже если сами они ещё не знали каким образом.

Наиболее неприятным следствием этого устройства мира было то, что исправить собственную ошибку удавалось далеко не всегда.

Один из Семерых считал такое положение вещей недостатком.

Другой полагал его необходимым условием.

Остальные предпочитали не обсуждать, кто из них прав.

— Подожди, — сказал Семь.

Он подошёл к путнику.

Человек поднял голову. Перед ним стоял незнакомец без дорожного узла, в слишком чистой для этих мест одежде.

— Сандалия? — спросил незнакомец.

— Сандалия, — подтвердил человек.

— Ты завязываешь узел не с той стороны.

Человек посмотрел на него с подозрением.

— А ты сапожник?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь?

— Мне показали.

Путник подвинулся.

— Ну, садись. Раз тебе показали, попробуй сам.

Семь сел.

Он мог бы изготовить другую обувь, укрепить подошву или привести в порядок всю дорогу до селения. Вместо этого он взял старую нить и попытался сделать узел, который видел у Люмена.

С первой попытки ничего не вышло.

Человек рассмеялся.

— Хороший сапожник из тебя получится. Только сандалий у нас не останется.

Семь попробовал ещё раз.

Со второй попытки узел держался.

Человек надел сандалию, прошёл по дороге и остановился.

— Теперь хорошо, — сказал он. — Куда идёшь?

Семь посмотрел на дорогу.

— Пока не знаю.

— Тогда пойдём вместе. До селения недалеко.

Остальные наблюдали, как они уходят.

— Он опять задержится, — сказала Мера.

— Да, — ответил Архив.

— И потом нам придётся его искать.

— Вероятно.

Шут посмотрел вслед двум удаляющимся фигурам.

— С другой стороны, теперь у нас есть свидетель, который подтвердит, что Семь не умеет чинить обувь.

Люмен помолчал.

— Я показал правильный узел.

— Разумеется, — сказал Шут. — Просто почему-то об этом никто не узнает.

Мера повернулась к Архиву.

— Запиши причину задержки.

— Какую?

Она подумала.

— Помощь в ремонте обуви.

Архив записал.

Затем добавил вторую строку.

Мера заметила.

— Что ещё?

— Его пригласили в гости.

— Это не причина.

Архив посмотрел на дорогу.

— Возможно, теперь причина именно в этом.

Военные главы, следующие за этим прологом, происходят много позже описанной дороги. Для людей, живущих в них, война не является наблюдением или спором о правилах. Она — единственная жизнь, которая у них есть.

Неучтённая

Англия, 1943 год

I

Элис Вуд не знала, сколько немецких кораблей удалось обнаружить благодаря её работе.

Зато она знала, что третья машина слева останавливается чаще остальных, что у второй плохо закрывается задняя панель, а у старшины Дженкинс начинает дёргаться левый глаз, когда кто-нибудь произносит слово «неисправность».

Всё остальное относилось к государственной тайне.

Государственная тайна вообще занимала в жизни Элис удивительно много места. Она касалась не только того, что девушка делала на работе, но и того, чего ей не позволялось узнать о собственных занятиях. Элис подписала обязательство о неразглашении, получила форму Женской королевской военно-морской службы и была направлена в Гейхерст, один из объектов, связанных с работой Блетчли-парка.

Там ей показали большую электромеханическую машину, научили устанавливать барабаны и соединять контакты по схемам, которые назывались меню.

Почему схемы назывались меню, никто не объяснил.

— Возможно, потому, что в них всё время предлагают одно и то же, — предположила её подруга Маргарет.

Машина была устроена сложно. Она содержала множество вращающихся барабанов, кабелей и электрических соединений. Во время работы она производила непрерывный механический шум, который невозможно было спутать ни с одним другим звуком.

Для неподготовленного человека этот шум означал неисправность.

Для Элис — что всё в порядке.

Когда машина останавливалась, следовало зафиксировать показания и передать их для проверки. Остановка могла оказаться ложной. Часто так и происходило.

Если найденные положения удовлетворяли проверке, результат уходил дальше, к людям, которые занимались настоящими немецкими сообщениями.

Что происходило после этого, Элис не знала.

Её это раздражало.

Она любила понимать, для чего делает работу. До войны Элис собиралась поступить в технический колледж. Отец умер, когда ей было шестнадцать, и некоторое время она помогала в маленькой мастерской, где чинили радиоприёмники и электрические приборы.

Элис нравилось открывать вещи, которые перестали работать, и обнаруживать внутри конкретную причину их неповиновения.

Иногда такой причиной оказывалась перегоревшая деталь.

Иногда — чужая небрежность.

Во втором случае она испытывала особенное удовлетворение.

На войне выяснилось, что большинство неприятностей невозможно исправить отвёрткой. Более того, руководство обычно не считало нужным сообщать, где именно находится неисправность.

В результате Элис занималась сложнейшими машинами, почти не понимая конечного результата, и получала жалование, которое казалось ей недостаточным даже с учётом важности государственной тайны.

— Я бы предпочла, чтобы они разрешали рассказывать об этом хотя бы мужу, — сказала Маргарет однажды вечером.

— У тебя нет мужа.

— Поэтому я и говорю «хотя бы». Это оставляет мне некоторую свободу.

Маргарет было двадцать четыре года. Она обладала удивительным даром ухаживать за собой в условиях, когда всё необходимое либо выдавалось по карточкам, либо давно исчезло из продажи.

Свой дар она считала гораздо более полезным, чем умение работать с дешифровальной машиной.

— После войны я выйду замуж за человека, который никогда не был в армии, — сказала она.

— Почему?

— Не хочу, чтобы он всю жизнь рассказывал мне о войне.

Элис рассмеялась.

У неё не было жениха.

Зато был брат.

Том был старше на четыре года и служил в торговом флоте. До войны он успел побывать в Южной Америке, Индии и нескольких местах, о существовании которых Элис узнала исключительно из его писем.

Писал он плохо.

В основном сообщал о погоде, качестве пищи и людях, которых недолюбливал. Иногда присылал деньги матери, хотя она каждый раз отвечала, что деньги лучше оставить на случай болезни.

В последнем письме Том рассказал, что повар на их судне ухитрился приготовить суп без воды.

«Это было выдающееся достижение, — писал он. — Я бы рассказал тебе, как именно ему это удалось, но мы оба знаем, что ты всё равно не поверишь».

Элис перечитала письмо дважды.

Потом убрала его в маленькую записную книжку.

Книжка предназначалась для вещей, о которых она хотела когда-нибудь рассказать брату.

Среди них значились непристойная песенка, услышанная в столовой, сломанный каблук Маргарет и тот факт, что в соседнем доме кто-то выращивал помидоры в старой армейской каске.

Элис считала несправедливым, что государство запрещает ей рассказывать о самых интересных событиях собственной жизни.

Поэтому она записывала остальные.

Незнакомец появился в столовой в начале мая.

Элис заметила его потому, что он долго рассматривал поднос с едой.

На подносе лежали картофель, немного мяса и нечто, что в меню называлось пудингом.

Незнакомец посмотрел на пудинг.

Потом на картофель.

Потом снова на пудинг.

— Если вы пытаетесь определить, что из этого съедобно, — сказала Элис, — лучше не начинать с внешнего вида.

Незнакомец повернулся.

— Я пытался понять, почему сладкое блюдо выглядит хуже основного.

— Это чтобы мы не съели всё сладкое сразу.

Он задумался.

— Разумное ограничение.

Элис засмеялась.

Его звали Семь.

Во всяком случае, именно так он представился.

Элис решила, что это прозвище. На объектах, связанных с Блетчли, работало столько странных людей, что человек по имени Семь не особенно выделялся среди остальных.

— Вы математик? — спросила она.

— Не совсем.

— Физик?

— Иногда.

— А чем занимаетесь?

Он немного подумал.

— Наблюдаю.

Элис кивнула.

— Тогда вам повезло. У нас это считается работой, если правильно заполнить бумаги.

Он посмотрел на неё.

— А ты чем занимаешься?

Она сразу насторожилась.

— Не могу сказать.

— Почему?

— Потому что вы не должны знать.

— А ты знаешь?

Элис хотела возразить, но обнаружила, что вопрос поставлен неожиданно точно.

— Я знаю свою часть.

— Этого достаточно?

— Для жалованья — да.

Она взяла поднос и направилась к столику Маргарет.

Семь некоторое время смотрел ей вслед.

Потом тоже взял пудинг.

Позднее он признал, что поступил необдуманно.

II

Мера занималась Северной Атлантикой.

На столе перед ней лежала карта, испещрённая линиями движения судов. Тонкие карандашные отметки обозначали известные или предполагаемые районы нахождения немецких подводных лодок. Возле некоторых стояли даты.

Сами линии её почти не интересовали.

Гораздо важнее было то, чего на карте не имелось.

Она получила часть сведений из перехваченных радиопередач, часть — из сообщений наблюдения, часть — из документов, которые уже прошли через человеческие разведывательные учреждения.

Источники не совпадали.

Подводная лодка, обнаруженная самолётом в определённом месте, могла изменить курс. Радиоперехват позволял предполагать её положение, но не гарантировал точных координат. Даже расшифрованное сообщение иногда оказывалось устаревшим раньше, чем доходило до командования.

К тому же немцы тоже читали некоторые британские сообщения о маршрутах конвоев.

Война постепенно превращалась в соревнование людей, которые пытались скрыть свои намерения, используя машины, предназначенные для передачи намерений другим людям.

Мера считала это не самым удачным способом организации связи.

Она построила несколько вариантов дальнейших событий.

В одном союзный конвой благополучно обходил группу немецких подводных лодок.

В другом изменял маршрут слишком поздно.

В третьем попадал под удар, но сохранял большую часть судов.

В четвёртом попытка предупредить конвой заставляла противника изменить расположение лодок и создавала новую угрозу другим судам.

Различия между вариантами зависели от информации, которой ещё никто не располагал.

Мера не любила такие задачи.

В них требовалось принимать решение, не имея возможности доказать, что оно лучше остальных.

— Ты опять считаешь корабли, — сказал Семь.

Он вошёл без стука.

Мера не подняла головы.

— Людей.

— На карте корабли.

— На них люди.

Семь подошёл ближе.

— Тогда почему здесь нет имён?

— Потому что для прогноза не обязательно знать имена каждого члена экипажа.

— А если два человека находятся на разных кораблях?

— Это учитывается.

— Как?

— Разным положением и разной вероятностью потерь.

Семь посмотрел на карту.

— Ты знаешь, что на одном из этих судов служит брат женщины из Гейхерста?

Мера подняла глаза.

— Какой женщины?

— Элис Вуд.

— Оператор?

— Да.

Она ненадолго задумалась.

— Ты разговаривал с ней?

— Да.

— О чём?

— О пудинге.

Мера посмотрела на него.

— Это имело отношение к нашим наблюдениям?

— Нет.

— Тогда почему ты упоминаешь её сейчас?

Семь указал на одну из линий.

— Её брат находится здесь.

Мера проверила сведения.

— Возможно.

— Он служит на судне, которое войдёт в этот район.

— Да.

— И что будет дальше?

- Мы не знаем наверняка.
- Ты рассчитывала.
- Я рассчитала несколько вариантов.
- Семь внимательно изучил карту.
- В двух вариантах их атакуют.
- Да.
- И судно тонет.
- В одном.
- Сколько людей?
- Мы не располагаем полным списком экипажа.
- Сколько примерно?
- Мера назвала число.
- Семь долго молчал.
- Можно предупредить.
- Можно.
- Почему ты этого не делаешь?
- Потому что я не командую конвоями.
- Ты можешь передать сведения людям, которые командуют.
- Могу.
- И?

Она отложила карандаш.

— Если сведения поступят из источника, происхождение которого нельзя объяснить, начнётся проверка. Если предупреждение подтвердится, возникнет вопрос, откуда оно получено. Если оно не подтвердится, доверие к следующим предупреждениям уменьшится. Кроме того, любое изменение маршрута может попасть в уже скомпрометированные каналы связи.

— Ты предлагаешь не делать ничего?

— Нет. Человеческие службы продолжают работать. Они уже располагают частью информации. Вероятно, конвой получит новые указания без нас.

— А если не получит?

Мера посмотрела на него.

— Тогда кто-то погибнет.

Он ждал продолжения.

— Семь, — сказала она, — в войне ежедневно гибнет огромное количество людей, о которых мы не знаем ничего. Ты можешь назвать хотя бы одного человека, умершего вчера в Китае?

— Нет.

— Почему же человек в Атлантике требует особого решения?

— Потому что я знаю его сестру.

Мера медленно закрыла папку.

— Вот именно.

Некоторое время они молчали.

— Ты ведь понимаешь, — сказала она, — что это плохой критерий распределения помощи?

— Понимаю.

— А что предлагаешь?

— Предупредить их всех.

— Кого?

— Людей на кораблях.

Мера посмотрела на карту.

— Ты сможешь разговаривать с каждым экипажем, который завтра окажется под угрозой?

Он не ответил.

— Тогда придётся выбирать, — сказала она. — И твой выбор будет зависеть от того, с кем ты успел познакомиться в столовой.

Семь смотрел на карандашную линию.

— А твой — от того, кто попал в расчёт.

Мера не возразила.

Она снова открыла папку.

— Я собираюсь передать дополнительную оценку через существующие каналы. Но не могу обещать, что по ней примут решение.

— А если не примут?

— Тогда я пересмотрю то, что смогу пересмотреть.

Семь вышел.

Мера ещё некоторое время смотрела на дверь.

Потом вернулась к карте.

Она знала, что в рассуждениях Семь есть слабые места. Он уделял слишком много внимания людям, случайно попавшим в его поле зрения. Такая система распределения ресурсов была неустойчивой и несправедливой.

Но теперь рядом с одной из линий ей всё время хотелось написать имя.

Она не сделала этого.

III

Через два дня Элис получила письмо от матери.

Мать жаловалась на холодную погоду, нехватку угля и соседку, которая продолжала устраивать вечерние посиделки, хотя у людей давно не было достаточно чая даже для собственного завтрака.

В конце письма стояло:

«От Тома пока ничего. Если он напишет тебе раньше, дай знать».

Элис перечитала последнюю строчку.

Потом сложила письмо и спрятала в карман.

Отсутствие писем от Тома ничего не означало.

Суда уходили в море, почта задерживалась, маршруты менялись. Иногда от него не было известий по два месяца.

И всё-таки Элис поймала себя на том, что уже третий день внимательно смотрит на почту, которую приносят утром.

Ей стало стыдно.

В столовой она снова встретила Семь.

На этот раз он взял только картофель.

— Вы научились, — заметила Элис.

— Чему?

— Выбирать безопасные блюда.

Он сел напротив.

— У тебя есть брат?

Элис удивилась.

— Есть.

— Он служит на море?

Она перестала жевать.

— Откуда вы знаете?

— Ты говорила.

— Не говорила.

Семь некоторое время молчал.

— Возможно, я услышал это от кого-то другого.

— От кого?

— Не помню.

Элис отложила вилку.

— Вы служите в разведке?

— Нет.

— Тогда откуда знаете о моём брате?

— Я располагаю некоторой информацией.

— Какой?

Семь посмотрел на неё.

Он уже несколько раз мысленно возвращался к этой встрече. Каждый раз получалось, что разговор необходимо начать иначе.

Теперь выяснилось, что подготовка не помогла.

— На его судно может быть совершено нападение.

Элис побледнела.

— Когда?

— Скоро.

— Где?

— В Атлантике.

— Назовите корабль.

Семь назвал.

Элис несколько мгновений смотрела на него.

Она действительно слышала это название от брата раньше. Но в последних письмах Том не упоминал, где находится судно и когда оно выйдет в море.

— Вы не должны мне этого говорить, — произнесла она.

— Я знаю.

— Тогда зачем сказали?

Семь не ответил.

Элис наклонилась к нему.

— Что мне делать?

— Можно передать предупреждение.

— Кому?

— Людям, которые могут изменить маршрут.

— А почему вы сами не передадите?

— Я пытался.

— И что?

— Не уверен, что информация будет использована.

Элис посмотрела на стол.

В столовой разговаривали, смеялись, стучали приборами. Где-то возле кухни громко обсуждали качество хлеба.

Она вдруг ощутила, как бесконечно далеко всё это находится от Атлантики.

— Сколько человек на судне? — спросила она.

Семь назвал примерное число.

— И вы хотите, чтобы я предупредила только брата?

— Нет. Я хочу, чтобы он выжил.

Элис подняла глаза.

— А остальные?

— Их тоже можно предупредить.

— Тогда почему вы начали с моего брата?

Семь молчал.

Она встала.

— Подождите, — сказал он.

— Не надо.

— Я хотел помочь.

— Я поняла.

Она взяла поднос.

Руки у неё дрожали, и тарелка ударялась о вилку.

— Но вы сказали мне о Томе, потому что знаете меня. А если бы мы не разговаривали за обедом, вы бы тоже пришли?

Семь посмотрел на неё.

— Не знаю.

Элис некоторое время стояла неподвижно.

Потом поставила поднос обратно.

— Тогда расскажите всё, что знаете.

Он начал говорить.

Она слушала, не перебивая.

Когда он закончил, Элис задала ещё несколько вопросов. Некоторые касались места и времени возможного нападения. Другие — того, откуда сведения получены.

На вторую группу вопросов Семь ответить не смог.

Элис встала.

— Я сообщу об этом начальству.

— Тебе могут не поверить.

— Это их дело.

— Могут начать проверять тебя.

— А это уже моё.

Она ушла.

Семь остался сидеть перед нетронутым картофелем.

Впервые за долгое время он обнаружил, что разговор с человеком завершился не тогда, когда он получил достаточно информации, а тогда, когда собеседник решил, что больше не желает разговаривать.

IV

Старшина Дженкинс выслушала Элис с выражением, которое обычно появлялось у неё при обнаружении неисправной машины.

— Повтори, — сказала она.

Элис повторила.

— Человек, которого ты не знаешь, сообщил тебе секретные сведения о движении кон-
воя?

— Я знаю его. Мы несколько раз разговаривали.

— Как его зовут?

— Семь.

Старшина медленно положила ручку.

— Это фамилия?

— Не знаю.

— Звание?

— Не знаю.

— Подразделение?

— Тоже не знаю.

Дженкинс некоторое время смотрела на неё.

— Ты понимаешь, как это звучит?

— Да.

— И всё-таки решила рассказать?

— Да.

Старшина встала, подошла к двери и закрыла её.

— Элис, ты хорошая сотрудница. У тебя аккуратные записи, ты почти не допускаешь ошибок, а когда допускаешь, обычно сама их обнаруживаешь. Я очень не хочу думать, что ты решила заняться вещами, к которым не имеешь отношения.

— Я не искала эти сведения.

— Но получила их.

— Да.

— Ты сама понимаешь, насколько они достоверны?

— Нет.

— Тогда что ты предлагаешь?

Элис достала лист бумаги.

На нём были записаны название судна, примерное время предполагаемой опасности и то небольшое, что она сумела узнать о возможном расположении противника.

Дженкинс взяла лист.

— Ты это записала после разговора?

— Да.

— И держала при себе?

— Да.

Старшина закрыла глаза.

Некоторое время она просто сидела, словно пыталась решить, можно ли уволить человека за поведение, которое формально является исполнением долга.

Потом открыла глаза.

— Ты должна была прийти немедленно.

— Я и пришла.

— Не после того, как записала подробности.

— Но иначе я бы их забыла.

Дженкинс посмотрела на лист.

— Вот поэтому я и не люблю умных девушек.

Она встала.

— Пока оставайся здесь.

Через некоторое время пришёл незнакомый офицер.

Он задал Элис те же вопросы.

Потом другие.

Он хотел знать, не просил ли Семь передать сообщение кому-нибудь за пределами объекта, не пытался ли получить сведения о машинах и не интересовался ли именами сотрудников.

Элис отвечала честно.

Больше всего офицера удивило то, что Семь вообще не спрашивал о работе.

— Чем же вы занимались? — спросил он.

— Разговаривали.

— О чём?

— О еде.

Офицер посмотрел на неё с подозрением.

— И всё?

— Иногда о погоде.

— О военных операциях?

— До этого дня — нет.

Он сделал пометку.

В конце беседы ей приказали не покидать объект до завершения проверки.

Элис согласилась.

Только тогда она начала бояться по-настоящему.

Мера нашла Семь возле дороги, ведущей к железнодорожной станции.

— Она сообщила о тебе.

— Знаю.

— Теперь служба безопасности пытается установить, кто ты.

— Я тоже знаю.

— Ты создал совершенно ненужную проблему.

— Возможно.

— Ты сообщил ей сведения, которые не мог объяснить. Она поступила единственным разумным способом и передала их начальству.

— Да.

Мера посмотрела на него.

— Ты понимаешь, что теперь ей грозит отстранение?

— Да.

— А её брата всё ещё могут убить.

— Да.

Некоторое время они молчали.

— Я не хотела, чтобы это произошло, — сказала Мера.

Семь повернулся.

— Что именно?

— Чтобы ты поставил её перед таким выбором.

Он посмотрел на дорогу.

— Я хотел дать ей возможность действовать.

— Нет. Ты хотел спасти её брата.

— Разве одно исключает другое?

— Иногда.

Она приблизилась.

— Ты мог передать информацию через существующие разведывательные каналы. Я уже сделала это. Но ты предпочёл сообщить её женщине, которая не имела доступа к таким сведениям и была обязана донести о подозрительном контакте.

— Я думал, она сможет что-то изменить.

— Что?

Семь не ответил.

— У неё нет кораблей, — продолжила Мера. — Нет полномочий менять маршруты. Нет возможности проверить твои сведения. Ты не дал ей власть над событиями. Ты дал ей страх.

Семь молчал.

Мера немного подождала.

— Есть новости, — сказала она.

Он поднял глаза.

— Какие?

— Морское командование получило дополнительное подтверждение опасности из другого источника. Сейчас обсуждается изменение движения конвоя.

- Значит, предупреждение помогло.
- Возможно. Но мы не знаем, чьё именно сообщение оказалось решающим.
- Элис сообщила.
- Да.
- Значит, она была права.
- Она была права, что сообщила. Это ещё не означает, что ты был прав, когда рассказал ей.

Семь опустил голову.

Мера некоторое время смотрела на него.

Потом сказала:

— Я постараюсь, чтобы её не наказали за то, что она выполнила свои обязанности.

— Спасибо.

— Не благодари меня. Это не услуга тебе.

Она ушла.

Семь остался возле дороги.

Он пытался восстановить разговор с Элис.

Ему хотелось найти момент, когда он мог сказать что-нибудь другое. Предупредить её мягче. Объяснить больше. Не упоминать брата.

В конце концов он понял, что ищет способ сохранить результат, не пережив неприятных последствий собственного выбора.

Эта задача уже встречалась ему раньше.

Он не смог решить её тогда.

Не смог и теперь.

V

Конвой всё-таки подвергся нападению.

Новые указания дошли до части судов, но не устранили опасности полностью. Погода была плохой, связь работала с перебоями, а противник находился ближе, чем первоначально предполагали.

Несколько кораблей потеряли друг друга в темноте.

Одно из судов, шедших с основной группой, было торпедировано.

Другое получило повреждения и продолжило путь.

Третье исчезло из последующих сообщений.

Элис ничего этого не знала.

После бесед со службой безопасности её на несколько дней отстранили от работы с машинами. Затем разрешили вернуться.

Старшина Дженкинс сообщила, что проверка продолжается и что говорить об обстоятельствах дела запрещено.

— А раньше можно было? — спросила Элис.

Дженкинс посмотрела на неё.

— Иногда мне кажется, Вуд, что вы намеренно испытываете пределы моего терпения.

— Нет, мэм.

— Тогда перестаньте.

Элис вернулась к машине.

Она установила барабаны, проверила соединения и включила питание.

Машина заработала.

Через некоторое время остановилась.

Элис записала показания.

Остановка оказалась ложной.

Она снова запустила механизм.

К концу смены у неё болели глаза.
Никаких известий от Тома не было.

Первое официальное сообщение пришло матери Элис спустя несколько недель.
В нём говорилось, что судно, на котором служил Том Вуд, числится пропавшим после нападения в Атлантике.

Сведения о членах экипажа уточнялись.
Мать немедленно отправила телеграмму дочери.
Элис получила её после ночной смены.
Она перечитала слова несколько раз.
Затем отправилась к себе в комнату.
Маргарет пришла через час.
Элис сидела на кровати, держа телеграмму в руках.
— Мне сказали, что тебе нехорошо, — произнесла Маргарет.
Элис протянула ей бумагу.
Маргарет прочитала.
Потом села рядом.
Они долго молчали.
— Может быть, он спасся, — сказала Маргарет.
— Может быть.
— Людей иногда подбирают другие суда.
— Да.
— Пока они не знают.
— Я вижу.
Маргарет замолчала.
Элис положила телеграмму на стол.
— Я ведь ничего не знаю, — сказала она.
Маргарет посмотрела на неё.
— О чём?
— Всё время говорят, что мы делаем важную работу. Что наши машины помогают выиграть войну. Что мы должны соблюдать тайну. Но я не знаю, спасла ли я хоть одного человека. И не знаю, могла ли спасти Тома.

Маргарет взяла её за руку.
— Ты не виновата.
Элис резко высвободила пальцы.
— Я не спрашивала, виновата ли я.
Маргарет отодвинулась.
Элис сразу пожалела о сказанном.
— Прости.
— Ничего.
— Я просто...
Она не договорила.
Маргарет встала, принесла из коридора чайник и налила воды.
Чай получился настолько слабым, что почти не изменил цвет воды.
Они выпили его молча.

Через два дня Элис встретила Семь возле выхода.
Она сама подошла к нему.
Он хотел спросить о брате, но увидел её лицо и ничего не сказал.

— Вы знали? — спросила она.
— Не наверняка.
— Но думали, что судно потонет.
— Да.
— Почему вы тогда сказали мне?
Он долго молчал.
— Я хотел, чтобы он выжил.
Элис посмотрела на него.
— Я тоже.
Она произнесла это спокойно.

Семь почувствовал, что должен объяснить, как именно рассчитывал помочь, почему сведения были неполными и почему предупреждение могло изменить действия людей.

Но Элис не спрашивала об этом.

— Теперь я каждый день думаю, — продолжила она, — что надо было сделать иначе. Сразу пойти к офицеру. Найти другого офицера. Сказать матери. Написать Тому. Не поверить вам. Поверить раньше.

— Ты поступила правильно.
— Не говорите мне этого.

Семь замолчал.

Она смотрела на него ещё несколько мгновений.

— Вы хотели помочь. Я понимаю. Но это был мой брат. А вы превратили его в задачу, которую собирались решить.

Семь опустил глаза.

— Мне жаль.
— Мне тоже.

Элис ушла.

Мера получила уточнённые сведения о нападении позднее.

Часть кораблей избежала опасного района благодаря изменению маршрута. Несколько судов были повреждены. Одно затонуло, экипажи других понесли потери.

Она не могла установить с достаточной уверенностью, насколько именно дополнительное предупреждение повлияло на исход.

Это её раздражало.

Мера проверила исходные расчёты и скорректировала модель.

Потом открыла сведения об Элис Вуд.

Там говорилось о прохождении службы, результатах проверки безопасности и возвращении к прежним обязанностям.

Никакого упоминания о её брате не было.

Мера добавила короткую пометку.

Затем остановилась.

Она поняла, что не знает, что именно следует записать.

Элис не погибла.

Не получила физической травмы.

Не была окончательно отстранена от работы.

С точки зрения тех показателей, по которым обычно оценивались последствия войны, с ней почти ничего не произошло.

Мера долго смотрела на пустую строку.

Потом закрыла документ.

VI

Летом мать попросила Элис приехать домой.

Она говорила, что нужно разобрать вещи Тома.

На самом деле никто не собирался ничего разбирать.

В его комнате по-прежнему лежали старые ботинки, несколько книг и коробка с фотографиями. На маленьком столике стояла чашка с трещиной возле ручки.

Мать каждый день вытирала с неё пыль.

— Её надо выбросить, — сказала Элис.

— Почему?

— Она треснула.

— Она всегда была треснутой.

— Я знаю.

Мать посмотрела на дочь.

— Тогда зачем выбрасывать?

Элис не ответила.

Они стали перебирать письма.

Большинство Том написал ещё до войны. Из них следовало, что он недолюбливал некоторых капитанов, обожал определённый сорт апельсинов и однажды проиграл значительную часть жалованья в карты человеку, которого потом считал своим лучшим другом.

Мать перечитала письмо про апельсины.

— Он никогда не ел их дома, — сказала она. — Говорил, что невкусные.

— На корабле, наверное, были лучше.

— Наверное.

Позже они нашли старую фотографию.

Том стоял на берегу в плохо сидящем костюме.

Элис узнала день, когда снимали фотографию. Они тогда поссорились, потому что Том взял её велосипед без разрешения и сломал переднее колесо.

На снимке он улыбался.

Элис вдруг рассердилась.

Она совершенно отчётливо вспомнила, как хотела ударить его чем-нибудь тяжёлым, когда увидела сломанный велосипед.

На фотографии этого не было.

Мать продолжала рассматривать снимок с выражением, будто сын всегда улыбался именно так.

— Мы ничего о нём не знаем, — сказала Элис.

— Как это?

— О том, что произошло.

Мать положила фотографию.

— Узнаем, когда смогут сообщить.

— А если не смогут?

Она не ответила.

За окном шёл дождь.

Соседская собака лаяла на человека, который пытался починить забор.

Мать поднялась, убрала письма обратно в коробку и поставила чайник.

Элис осталась сидеть.

Ей вдруг захотелось рассказать матери о Гейхерсте, о машинах, о том, как Семь предупредил её, и о человеке, который, возможно, знал, где погиб Том.

Но она не могла.

И даже если бы могла, не знала, с чего начать.

Вернувшись на службу, Элис снова стала работать с машинами.

Через несколько месяцев она уже могла устанавливать некоторые схемы почти не глядя на записи. Маргарет продолжала жаловаться на пудинг. Старшина Дженкинс по-прежнему не любила слово «неисправность».

Механизмы вращались.

Останавливались.

Полученные результаты проверяли и передавали дальше.

Иногда работа приносила полезные сведения.

Иногда — ничего.

Элис не знала, какой случай был каким.

Однажды после смены Маргарет спросила:

— Ты всё ещё хочешь в технический колледж?

— Да.

— После войны?

— Да.

— А если возьмут на работу здесь?

Элис задумалась.

— Я не хочу всю жизнь делать то, о чём мне запрещено рассказывать.

Маргарет усмехнулась.

— Тогда тебе точно не стоит выходить замуж за военного.

Они засмеялись.

Элис поняла, что смеётся впервые за долгое время, и неожиданно почувствовала раздражение.

Потом оно прошло.

Архив познакомился с ней ближе к концу года.

Он представился человеком, собирающим воспоминания о военной службе.

Элис объяснила, что ей запрещено рассказывать о работе.

— Я и не собираюсь спрашивать о работе, — сказал он.

— Тогда о чём?

— О том, что тебе запомнилось.

Она показала ему записную книжку.

В ней были записаны пудинги, сломанные каблучки, письма, случайные разговоры и многие вещи, которые трудно было назвать событиями.

Архив перелистывал страницы очень осторожно.

— Почему ты всё это сохраняешь?

Элис пожала плечами.

— Том любил такие истории. Я собиралась рассказать ему после войны.

— Но теперь...

Он остановился.

Элис посмотрела на него.

— Теперь, наверное, никому.

Архив хотел сказать, что любая информация может представлять ценность для будущего исследования. Что даже самые незначительные записи позволяют восстановить жизнь человека с точностью, недоступной официальным документам.

Вместо этого он спросил:

— Можно мне послушать одну историю?

Элис подумала.

— Про помидоры в каске?

— Да.

Она рассказала.

История оказалась длиннее, чем предполагал Архив, потому что включала обстоятельства приобретения каски, спор с домовладелицей и попытку соседского кота использовать посадки не по назначению.

Архив слушал внимательно.

Когда Элис закончила, он спросил, чем всё завершилось.

— Ничем, — сказала она. — Помидоры так и не выросли.

— Почему?

— Не хватило солнца.

Она закрыла книжку.

— И вообще, — добавила она, — хозяйка говорила, что каску надо было вернуть государству.

Архив некоторое время молчал.

Потом попросил рассказать следующую историю.

Элис удивилась.

— Вам правда интересно?

— Да.

Она открыла книжку.

Поздно вечером Мера снова вернулась к своей карте Атлантики.

Война продолжалась.

Маршруты судов менялись. Линии старых конвоев исчезали под новыми карандашными отметками.

Она нашла прежний расчёт, связанный с нападением на конвой.

Рядом лежал документ об Элис Вуд.

Мера открыла его и дописала несколько строк.

Затем перечитала.

Записи выглядели несерьёзно.

В них не было сведений о потерянных судах, количестве перевезённого груза или эффективности разведывательной операции.

Там говорилось о женщине, которая продолжает службу, собирается после войны учиться и несколько месяцев не получила окончательного известия о судьбе брата.

Мера долго смотрела на эти строки.

Потом убрала документ в папку с другими материалами.

На обложке уже стояло название раздела.

Она перечеркнула его и написала новое.

Неучтённые.

На следующий день работа продолжилась.

В Гейхерсте Элис установила новые барабаны, проверила соединения и запустила машину.

Та работала почти четверть часа.

Потом остановилась.

Элис записала показания и позвала проверяющую.

На столе рядом лежала её маленькая книжка.

Между страницами торчал сложенный листок с письмом Тома.

Элис убрала его поглубже, чтобы он не испачкался машинным маслом.

Затем вернулась к работе.

Последний эксперимент

Нью-Мексико, июль 1945 года

I

В Нью-Мексико для первого атомного испытания выбрали пустыню.

Лусии Монтойе, которая прожила в этой пустыне сорок два года, никто не сообщил о выборе.

Лусия жила с дочерью и младшим братом на небольшом участке земли к северо-востоку от военного полигона. Они держали коз, несколько коров и выращивали то, что удавалось вырастить в условиях, когда дождь воспринимался почти как семейное торжество.

Воду собирали в ёмкости и берегли.

Лусия знала, сколько воды требуется животным, сколько уходит на готовку и стирку и сколько необходимо оставить на случай, если дождей не будет ещё месяц.

Она также знала, что её брат Мануэль выпивает значительно больше воды, чем положено человеку, поскольку считает, что кофе не входит в общий расход.

В этом вопросе Лусия с ним не соглашалась.

Однажды утром они обнаружили возле дома незнакомца.

Он стоял у деревянного корыта и рассматривал поверхность воды.

— Если хотите пить, — сказала Лусия, — рядом ведро. Эту воду оставьте животным.

Незнакомец обернулся.

— Я не хотел пить.

— Тогда зачем смотрите?

— Хотел узнать, откуда вы её берёте.

— Из дождя.

Он посмотрел на небо.

— Здесь редко идут дожди.

— Поэтому мы их и собираем.

Незнакомец кивнул, словно получил важное объяснение.

Выглядел он лет на сорок, хотя Лусия не была уверена. Лицо спокойное, волосы коротко острижены, одежда простая. Такие люди иногда появлялись со стороны военных объектов, где строили дороги и что-то испытывали.

Обычно они спрашивали дорогу.

Этот спрашивал о воде.

— Вы с полигона? — спросила Лусия.

— В некотором смысле.

— Тогда передайте начальству, чтобы перестали ездить через наш участок. У нас после каждого грузовика приходится чинить ворота.

— Я передам.

— Вы записали?

Незнакомец посмотрел на неё.

— Нет.

— Тогда забудете.

Он достал небольшой лист и записал.

Лусия удовлетворённо кивнула.

Её дочь Росита наблюдала за разговором из дверей.

Ей было одиннадцать лет. Она обладала способностью появляться именно там, где взрослые считали, что её нет, и задавать вопросы, которые обычно приходили им в голову слишком поздно.

— А вы учёный? — спросила она.

— Нет, — ответил незнакомец.

— Тогда зачем вам знать про дождь?

— Мне интересно, как здесь живут растения.

Росита посмотрела на корыто.

— Плохо.

— Почему?

— Им жарко.

— А если посадить здесь дерево?

— Сначала надо найти воду.

— А если вода будет?

— Тогда, наверное, вырастет.

Лусия велела дочери принести хлеб.

Незнакомца пригласили к столу.

Он отказался, но Лусия объяснила, что человек, который долго смотрит на воду и спрашивает о деревьях, скорее всего, просто голоден и стесняется признаться.

Ему принесли хлеб, немного фасоли и кофе.

Он представился Садовником.

Лусия решила, что это фамилия.

— Хорошая фамилия, — сказала она. — В нашей местности с такой либо много работают, либо быстро разочаровываются.

Садовник улыбнулся.

После завтрака он попросил разрешения осмотреть водяные ёмкости.

Лусия согласилась, хотя начала подозревать, что незнакомец занимается каким-то государственным обследованием.

Такие обследования всегда заканчивались одинаково: чиновник задавал множество вопросов, записывал ответы и уезжал. Вода после этого не прибавлялась.

Садовник осмотрел бочки, цистерну и корыта.

— Вы закрываете воду крышками? — спросил он.

— Если есть чем закрывать.

— А во время сильного ветра?

— Когда летит пыль, тоже.

— А если ветер принесёт что-то опасное?

Лусия посмотрела на него.

— Что именно?

Садовник помолчал.

— Пыль, которую не следует пить.

— Такую пыль у нас приносит каждый второй ветер.

— Эта может быть другой.

— Откуда?

Он не ответил.

Лусия поставила руки на пояс.

— Послушайте. Если вы знаете что-то, чего не знаю я, лучше сказать прямо.

— В ближайшие дни здесь могут проводиться работы, после которых желательно некоторое время не использовать открытую воду.

— Какие работы?

Садовник снова промолчал.

Лусия вздохнула.

— Понятно.

Она повернулась к дочери.

— Росита, принеси крышки для маленьких бочек.

Девочка побежала.

Лусия посмотрела на незнакомца.

— А что делать с коровами?

— Можно приготовить для них запас воды под навесом.

— На сколько дней?

Садовник не знал.

— Хотя бы на несколько.

— И сколько таких хозяйств вы уже предупредили?

Он опустил глаза.

— Пока ни одного.

— Значит, с нас начали.

Лусия немного подумала.

— Тогда после обеда поезжайте к Гарсии. У них дети младше Роситы, а воды они держат меньше нашего.

Садовник кивнул.

— Я поеду.

Лусия вернулась к дому.

Росита принесла крышки.

На одной не хватало ручки, другая плохо подходила по размеру.

Садовник помог их закрепить.

Девочка наблюдала за ним.

— Вы правда не учёный? — спросила она.

— Правда.

— А почему знаете, что вода станет плохой?

Садовник некоторое время смотрел на бочку.

— Я не знаю наверняка.

— Тогда почему мама вас слушает?

Он не ответил.

Росита подождала.

— Наверное, потому что вы не просили денег, — заключила она.

Садовник рассмеялся.

Это удивило его самого.

II

За несколько десятков миль к юго-западу стояла стальная башня высотой примерно тридцать метров.

На её вершине находилось устройство, которое участники Манхэттенского проекта называли Gadget.

Название было выбрано удачно.

Оно не сообщало ничего существенного.

При этом создавало впечатление, что речь идёт о сравнительно обычной вещи, с которой можно обращаться при помощи инструментов и письменных инструкций.

Устройство представляло собой сложнейшую систему, предназначенную для осуществления ядерного взрыва.

Люди работали над ней несколько лет.

До этого другие люди на протяжении десятилетий изучали строение атома, радиоактивность, ядерные превращения и свойства вещества.

Каждое открытие порождало новые вопросы.

Некоторые из них оказались полезны для медицины и энергетики.

Другие — для создания оружия, которое ещё недавно существовало лишь в виде предположения.

В 1945 году эти направления развития научной мысли встретились на вершине стальной башни в пустыне Нью-Мексико.

Люмен наблюдал за подготовкой испытания с нескрываемым интересом.

— Они сделали это сами, — сказал он.

Садовник стоял рядом.

— Да.

— Без каких-либо наших подсказок.

— Да.

— Ты хотя бы понимаешь, насколько это интересно?

— Понимаю.

Люмен посмотрел на башню.

— Они разобрались в устройстве атомного ядра. Разработали способы получения необходимых материалов. Создали измерительную технику, электрические системы, сложнейшую технологическую цепочку. Причём за очень короткое время.

— Из-за войны.

— И что?

— Возможно, без войны они занимались бы другими задачами.

Люмен повернулся.

— Это не делает их достижение менее значительным.

— Не делает.

— Но ты говоришь так, словно оно тебя раздражает.

Садовник некоторое время молчал.

— Меня раздражает назначение устройства.

Люмен посмотрел на него.

— Назначение определяли люди.

— Именно.

Он ушёл.

Люмен остался возле башни.

Ему нравилась организация испытания, хотя он находил в ней множество недостатков. Слишком много отдельных систем. Слишком много людей, отвечавших каждый за свою часть. Слишком много возможностей для ошибок.

Но особенно его занимало то, что ни один из учёных не понимал происходящее полностью.

Одни отвечали за ядерную физику. Другие за взрывчатые вещества. Третьи за электронику, измерения, материалы, связь, безопасность.

Объект оказался настолько сложным, что для его создания требовалось сотрудничество множества специалистов.

Люмен считал это примитивным способом организации познания.

И в то же время видел в нём нечто впечатляющее.

Люди не могли передать друг другу весь собственный опыт.

Поэтому научились передавать то, что было достаточно для общей работы.

Дэниел Ривз отвечал за часть измерительной аппаратуры.

Ему было двадцать девять лет.

До войны он занимался электротехникой, а в свободное время чинил радиоприёмники знакомым. Теперь он прокладывал кабели, проверял приборы и выполнял распоряжения людей, чьи фамилии встречались в научных журналах.

Он не считал себя выдающимся учёным.

Зато знал, как неприятно обнаружить плохой контакт за несколько минут до начала важного опыта.

В последние недели Дэниел почти не спал.

Приборов было много.

Некоторые должны были измерять световую вспышку, другие — давление, третьи — особенности протекания взрыва. Кабели тянулись по пустыне, связывая наблюдательные пункты с оборудованием.

Каждый прибор требовал проверки.

Иногда Дэниелу казалось, что люди строят ещё одно устройство, почти такое же сложное, как бомба, но предназначенное исключительно для того, чтобы посмотреть, как первая взорвётся.

Люмен познакомился с ним возле аппаратной.

Дэниел пытался объяснить молодому помощнику, почему нельзя заменить неисправный контакт соединением, которое выглядит исправным.

— Если оно выглядит исправным, это ещё ничего не означает, — сказал Дэниел.

— Но прибор работает.

— Сейчас.

— А что изменится потом?

— Именно это я и хотел бы узнать до испытания.

Люмен вмешался.

— Можно проверить сопротивление.

Дэниел повернулся.

— Великолепное предложение. Дайте нам ещё один прибор, и мы проверим.

Люмен осмотрел соединение.

— Вы используете слишком длинный кабель.

— Конечно.

— Его можно сократить.

— Тогда он перестанет доставать до места, где стоит аппаратура.

— Можно перенести аппаратуру.

Дэниел посмотрел на него.

— А вы откуда?

Люмен назвал подразделение, которого Дэниел никогда не слышал.

Тот пожал плечами.

— Тогда передайте вашему начальству, что мы будем очень благодарны, если оно разрешит сократить кабели после того, как мы закончим опыт.

Люмен хотел объяснить, что вообще не имел в виду необходимость разрешения, но обнаружил, что Дэниел уже ушёл.

Это несколько испортило ему настроение.

Позднее он снова нашёл техника возле аппаратной.

— Вы решили проблему?

— Да.

— Как?

— Поменяли контакт.

Люмен кивнул.

— Разумно.

Дэниел посмотрел на него.

— Спасибо. Я обязательно передам об этом жене.

Он вернулся к работе.

Люмен некоторое время стоял рядом.

Почему-то ему было приятно, что человек принял его оценку.

III

Садовник вернулся от Лусии поздно вечером.

Мера ждала его возле одного из временных строений.

— Ты предупреждал жителей, — сказала она.

— Да.

— О чём?

— О возможном загрязнении воды.

— Насколько подробно?

— Настолько, насколько счёл необходимым.

Мера посмотрела на него.

— Ты понимаешь, что эти люди могут начать задавать вопросы?

— Уже начали.

— И что ты ответил?

— Не всё.

— Тогда они не смогут правильно оценить опасность.

— Да.

— Почему же ты решил говорить?

Садовник остановился.

— Потому что если ничего не сказать, у них вообще не будет возможности что-нибудь сделать.

Мера некоторое время молчала.

— Ты знаешь, что я не против предупреждения гражданского населения.

— Знаю.

— Я уже пыталась обратить внимание людей, отвечающих за безопасность испытания, на неопределённость прогноза выпадений.

— И что?

— Они знают о возможной опасности. Предусмотрено наблюдение за радиационной обстановкой. Есть планы действий при неблагоприятном развитии событий.

— А местные жители?

— Их заранее не информировали.

— Значит, планы есть. А людей в них нет.

Мера нахмурилась.

— Это не совсем так. Часть населённых пунктов нанесена на карты. Но имеющихся сведений недостаточно, чтобы оценить воздействие на каждое отдельное хозяйство.

Садовник вспомнил Роситу.

— Они знают, сколько воды у Лусии Монтойя?

— Нет.

— Что у неё две коровы и несколько коз?

— Нет.

— Что её дочь пьёт молоко каждое утро?

Мера посмотрела на него.

— Нет.

— Тогда чего стоят ваши расчёты?

— Они всё равно могут быть полезны.

— Для кого?

— В том числе для этих людей.

Садовник отвернулся.

Мера немного подождала.

— Я не понимаю, чего ты от меня хочешь, — сказала она. — Чтобы я запретила испытание?

— Возможно.

— На каком основании?

Он посмотрел на неё.

— Потому что оно опасно.

— Война тоже опасна. Люди, работающие здесь, считают, что новое оружие поможет её закончить.

— Они могут ошибаться.

— Могут.

— Тогда почему продолжают?

— Потому что иногда решение необходимо принимать до того, как известны все последствия.

Садовник долго молчал.

— Ты повторяешь человеческие доводы.

— Да.

— Раньше ты так не говорила.

Мера посмотрела на него.

— Раньше ты не предлагал мне принимать решения за миллионы людей.

Он не ответил.

Она добавила:

— Ты предупредил одну женщину. Сколько других живёт поблизости?

— Не знаю.

— Почему начал с неё?

— Я оказался возле её дома.

Мера кивнула.

— Понимаю.

Садовник посмотрел на неё.

— Что?

— Ничего.

Но он понял.

И это разозлило его сильнее, чем прямое обвинение.

Позднее к ним присоединился Семь.

Он уже знал о разговоре.

— Ты собираешься предупредить остальных? — спросил он Садовника.

— Да.

— Всех?

— Кого смогу найти.

Семь кивнул.

Мера некоторое время смотрела на обоих.

— В этом районе живут тысячи людей, — сказала она. — Часть далеко от полигона. Часть ближе. Опасность будет зависеть от погоды и того, как распределятся радиоактивные выпадения. До испытания мы не знаем точной картины.

— Значит, нужно предупредить всех, — сказал Садовник.

— И что ты им скажешь?

Он не ответил.

— Что через несколько дней произойдёт секретный военный эксперимент, о котором даже многие участники проекта знают только собственную часть? Что необходимо прекратить использовать воду, молоко и продукты с земли, но ты не знаешь, как долго? Что они должны бросить хозяйства?

— Лучше так, чем молчать.

— Возможно. Но предупреждение тоже имеет последствия. Ты предлагаешь людям решения, не имея возможности дать им достаточно информации.

Садовник посмотрел на Семь.

Тот молчал.

— А ты? — спросил Садовник. — Что думаешь?

— Что Лусия должна знать об опасности.

— Значит, согласен со мной?

— Не совсем.

— Почему?

Семь посмотрел на пустыню.

— Мне кажется, ты хочешь остановить не испытание.

— А что?

— Всё, что может произойти после него.

Садовник не ответил.

Мера тоже молчала.

Далеко за холмами горели огни военного лагеря.

Оттуда доносился едва слышный звук двигателя.

Шут появился ближе к полуночи.

Он некоторое время слушал спор и наконец сказал:

— Я правильно понял, что вы решаете, имеют ли люди право продолжать собственную войну?

— Мы решаем, должны ли предупредить гражданских, — ответила Мера.

— Это более узкий вопрос.

— Да.

— Прекрасно. Тогда у меня есть решение.

Все посмотрели на него.

— Нужно объяснить военным, что в пустыне находятся люди.

Мера вздохнула.

— Они знают.

— Тогда объяснить людям, что рядом военные.

— Они тоже знают.

— В таком случае, — сказал Шут, — проблема удивительно плохо поддаётся объяснениям.

Никто не засмеялся.

Шут посмотрел на Садовника.

— Ты уже предупредил женщину?

— Да.

— И что она ответила?

— Попросила предупредить соседей.

Шут задумался.

— Вот это интересно.

— Что?

— Она ведь не спрашивала, на каком основании ты решил предупредить именно её.

Садовник опустил глаза.

Шут больше ничего не сказал.

IV

В ночь на шестнадцатое июля началась гроза.

Над пустыней двигались низкие облака. Ветер менял направление, дождь то усиливался, то почти прекращался.

Испытание первоначально назначили на четыре часа утра.

Но дождь мешал работе приборов, а погодные условия вызывали опасения относительно распространения радиоактивных выпадений.

Начало перенесли.

Дэниел находился возле одного из наблюдательных пунктов.

Он уже несколько раз проверил аппаратуру, сделал необходимые записи и теперь пытался выпить кофе.

Кофе был холодным.

Это неприятно удивило его, хотя за последние сутки с ним произошло немало вещей, которые должны были подготовить его к подобному открытию.

Рядом появился Люмен.

— Всё готово? — спросил он.

— Насколько возможно.

— Есть сомнения?

— В каком именно приборе?

— В результате.

Дэниел посмотрел на него.

— Я не отвечаю за результат.

— Но участвуешь в испытании.

— Я отвечаю за то, чтобы измерения были сделаны правильно.

— А если устройство сработает?

— Тогда измерения окажутся полезными.

— А если не сработает?

— Тоже.

Люмен кивнул.

— Значит, твоя задача не зависит от того, успешен ли сам эксперимент.

— Отчасти.

— Это удобно.

Дэниел посмотрел на него.

— Послушайте, я здесь не потому, что кто-то хочет устроить самый большой взрыв. Я здесь потому, что меня попросили сделать работу, которую я умею делать. И я хочу сделать её хорошо.

— Но тебе известно назначение устройства.

— Известно.

— И тебя это не беспокоит?

Дэниел долго молчал.

— Вы знаете, что война ещё не закончилась?

— Да.

— В Европе закончилась. А на Тихом океане нет.

— Знаю.

— У меня друзья там. Я хочу, чтобы они вернулись.

Люмен слушал.

— И я хочу вернуться домой, — продолжил Дэниел. — У нас с женой будет ребёнок. Я узнал об этом неделю назад.

— Поздравляю.

— Спасибо.

Он посмотрел в темноту.

— Я не знаю, закончится ли война из-за этой штуки. Но если есть шанс, что закончится раньше...

Он не договорил.

Люмен спросил:

— Ты боишься, что устройство не сработает?

— Конечно.

— А если сработает?

Дэниел посмотрел на свою кружку.

— Этого тоже.

Они замолчали.

Потом Дэниел сказал:

— Знаете, что самое неприятное?

— Что?

— Когда всё закончится, я не смогу даже рассказать жене, чем здесь занимался.

Люмен улыбнулся.

— Возможно, когда-нибудь сможете.

— Хотелось бы.

Дэниел поставил кружку.

— А ещё я хотел посадить дерево возле дома. Мы переехали перед войной, и там совершенно голый двор.

— Какое дерево?

— Яблоню.

Люмен задумался.

— Почему яблоню?

— Чтобы были яблоки.

— Их можно купить.

Дэниел посмотрел на него с усталостью.

— Господи, как же вы похожи на моего тестя.

В другом месте Садовник рассматривал карту местности.

Архив стоял рядом.

На карте были обозначены дороги, наблюдательные посты, места установки приборов и границы военного полигона.

К северо-востоку от места испытания начинались горы, плато и участки земли, на которых жили люди.

Садовник указал на один из них.

— Здесь дом Лусии Монтойя.

Архив посмотрел на пустое место.

— На этой карте его нет.

— Я знаю.

— Ты уверен, что указал правильно?

— Да.

Архив сделал пометку.

— Сколько человек живёт в доме?

— Трое.

— Животных?

Садовник перечислил.

Архив записал.

Потом спросил:

— Ты считаешь животных?

— Да.

— Почему?

— Они тоже пьют воду.

Архив добавил ещё несколько строк.

— Ты хочешь включить всех жителей в расчёт?

— Хочу узнать, сколько их.

— Для этого потребуется время.

— Знаю.

Архив посмотрел на часы.

— Его осталось немного.

Садовник снова посмотрел на карту.

Он уже ездил по соседним дорогам и говорил с несколькими семьями. В одних домах ему верили, в других считали странным человеком, который чересчур беспокоится о дождевой воде.

Одна женщина спросила, не собираются ли военные отравить колодцы.

Он сказал, что ему ничего об этом не известно.

Другой человек потребовал документы.

Садовник не смог показать ничего убедительного.

Третий обещал предупредить соседей, но сначала попросил помочь починить насос.

Садовник помог.

После этого человек угостил его ужином и совершенно забыл о предупреждении.

Теперь, рассматривая карту, Садовник пытался понять, успел ли сделать хоть что-нибудь полезное.

Архив закончил записи.

— Ты можешь продолжить после испытания, — сказал он.

— Если окажется, что вода уже загрязнена, будет поздно.

— Для некоторых действий.

— Для многих.

Они помолчали.

Потом Архив спросил:

— Ты знаешь, что именно произойдёт?

— Примерно.

— Значит, не всё?

— Нет.

Архив посмотрел на карту.

— Тогда зачем ты говоришь так, будто всё уже известно?

Садовник не ответил.

V

В 5:29 утра пустыня ещё не совсем проснулась.

Небо на востоке начинало светлеть. Дождь прекратился, ветер ослаб, и люди на наблюдательных пунктах занимали свои места.

В южном укрытии шёл отсчёт времени.

Дэниел находился возле аппаратуры.

Он ещё раз проверил показания часов, убедился, что приборы готовы к работе, и отошёл туда, где ему было положено находиться во время взрыва.

Люмен наблюдал за подготовкой.

Мера следила за погодой.

Семь стоял неподалёку от Садовника.

Шут успел придумать несколько замечаний, которыми собирался поделиться после испытания. Все они касались того, насколько странно выглядит человеческая привычка давать безобидные названия вещам, которые могут разрушить город.

Он решил пока их не произносить.

Порог смотрел на устройство.

Его занимал другой вопрос: через несколько секунд сложнейшая конструкция, созданная усилиями тысяч людей, должна была прекратить существование именно ради того, чтобы доказать свою работоспособность.

Он не любил такие способы проверки.

За много миль от полигона Росита проснулась оттого, что её младший дядя Мануэль ходил по двору и ругался на корову.

Корова опрокинула ведро.

Мануэль считал это проявлением дурного характера.

Лусия считала, что ведро просто не следовало оставлять на дороге.

Росита вышла на крыльцо.

Воздух после ночной непогоды пах влажной землёй.

Девочка посмотрела на восток.

До восхода солнца оставалось немного времени.

Она любила этот короткий промежуток, когда уже можно различать дома и деревья, но ещё не нужно заниматься работой.

Лусия вышла следом.

— Ты опять без обуви.

— Земля тёплая.

— Это не значит, что по ней надо ходить босиком.

Росита хотела возразить.

И в этот момент всё вокруг стало белым.

Первым пришёл свет.

Не звук.

Не движение воздуха.

Свет оказался таким ярким, что на несколько мгновений исчезло привычное различие между утром и ночью.

Пустыня, облака, стены, земля — всё выступило в резком освещении, словно мир неожиданно оказался гораздо ближе, чем прежде.

Дэниел отвернулся и прижал голову к земле.

Даже сквозь закрытые веки он ощущал вспышку.

Люмен смотрел на происходящее с такой сосредоточенностью, что почти не двигался.

Высоко над башней возник стремительно растущий огненный шар.

Затем потянулся вверх огромный столб дыма и раскалённых газов.

Башня исчезла.

Через некоторое время до наблюдателей дошла ударная волна.

Потом звук.

Он пришёл с опозданием, словно действительность сначала решила показать результат и лишь затем сообщить, что именно произошло.

На наблюдательных пунктах люди кричали.

Одни от восторга.

Другие от испуга.

Дэниел поднял голову и посмотрел на приборы.

Он видел, что часть аппаратуры сработала.

Не вся.

Но достаточно, чтобы понять: испытание удалось.

Его охватила радость.

Она была настолько сильной, что он на несколько мгновений забыл, для чего предназначено устройство.

Потом вспомнил.

Радость не исчезла.

И это оказалось самым неприятным.

Росита стояла на крыльце и плакала.

Она не понимала, что произошло.

После вспышки некоторое время царила необычная тишина.

Затем до них дошёл далёкий грохот.

Мануэль выбежал из сарая.

— Что это было?

Лусия посмотрела на юго-запад.

Над далёкими горами поднималось огромное облако.

— Не знаю.

— Может, взорвали что-нибудь на полигоне?

Лусия не ответила.

Она вспомнила человека, который несколько дней назад спрашивал про воду.

— Закройте бочки, — сказала она.

— Они уже закрыты.

— Проверьте.

Мануэль посмотрел на неё.

— Почему?

— Потому что я сказала.

Он ушёл проверять.

Росита стояла рядом с матерью.

— Это было солнце? — спросила она.

— Нет.

— Откуда ты знаешь?

Лусия посмотрела на светлеющий восток.

— Потому что солнце ещё не взошло.

На полигоне постепенно начинали разбирать результаты.

Учёные спорили о мощности взрыва, работе приборов, высоте облака и последствиях для окружающей местности.

Некоторые были счастливы.

Некоторые испуганы.

Большинство — и тем и другим одновременно.

Люмен смотрел на исчезнувшую башню.

— Они действительно сделали это, — сказал он.

Садовник не ответил.

— Ты видел?

— Видел.

— Это невероятное достижение.

Садовник повернулся.

— Ты собираешься их поздравить?

— Возможно.

— С чем?

— С тем, что устройство сработало.

— А с тем, для чего оно сработало?

Люмен посмотрел на него.

— Это другой вопрос.

— Для тебя — другой.

— Для инженера — да.

Садовник сделал шаг к нему.

— Ты считаешь, что можно разделить создание средства от цели, ради которой его создают?

Люмен не ответил сразу.

— Иногда можно. Иначе нам придётся считать любое открытие неправильным, если кто-нибудь использовал его для причинения вреда.

— Но здесь вред был целью.

— Военной целью.

— Это меняет дело?

— Для людей, которые ведут войну, да.

Садовник посмотрел на огненное облако.

— И ты считаешь это успехом?

Люмен медленно повернулся к нему.

— Я считаю успехом то, что люди сумели сделать.

— Даже если теперь могут уничтожить себя?

— Они могли уничтожать друг друга и раньше.

— Не так.

Люмен посмотрел на него.

— Нет. Не так.

Они замолчали.

Садовник ждал продолжения.

Но Люмен не стал ничего объяснять.

Он снова посмотрел на место взрыва.

Впервые за всё время наблюдения за испытанием его лицо изменилось.

Садовник не мог определить, чего в этом выражении было больше: гордости или страха.

VI

К полудню начались сообщения о распространении радиоактивных веществ за пределами непосредственного района испытания.

Не все данные совпадали.

Показания зависели от расстояния, направления ветра, времени измерения и свойств выпавших частиц. Некоторые приборы зафиксировали более высокие уровни, чем ожидалось.

Военные и учёные пытались выяснить, насколько велика опасность.

У них были основания беспокоиться. Взрыв произошёл на невысокой башне, поднял огромное количество вещества с поверхности земли, и часть этого вещества теперь перемещалась вместе с радиоактивными продуктами взрыва.

Далеко за пределами полигона находились люди, которых заранее не предупредили.

Мера изучала новые измерения.

— Облако движется к северо-востоку, — сказала она.

Садовник подошёл к карте.

— В сторону Чупадера-меса.

— Да.

— Там хозяйство Лусии.

— Знаю.

Он посмотрел на неё.

— И другие.

— Да.

Мера отметила новые районы предполагаемого выпадения.

— Нам нужны дополнительные измерения.

— Пока ты будешь измерять, они станут пить воду.

— Если я не измерю, мы не будем знать, какую воду следует считать опасной.

— Тогда скажи им не пить никакую.

— И что они будут делать?

Садовник не ответил.

Мера указала на карту.

— Некоторые живут далеко от источников привозной воды. У них скот. Дети. Старики. Ты предлагаешь им покинуть дома, но не можешь сказать, куда именно идти и на сколько времени.

— Я предлагаю их предупредить.

— Я согласна.

— Тогда почему мы всё ещё здесь?

Она подняла глаза.

— Потому что я пытаюсь найти способ предупредить больше людей, чем сможешь объехать ты один.

Садовник замолчал.

Мера вернулась к документам.

— Если поедешь к Лусии, возьми чистую воду из запасов, доставленных с удалённого источника. Не из ближайших ёмкостей.

Он кивнул.

— И попроси её рассказать соседям, — добавила она.

Садовник уже направился к выходу, когда она произнесла:

— Я сделаю то же самое через тех, кто отвечает за наблюдение за обстановкой. Но не могу обещать, что они немедленно предупредят население.

Он остановился.

— Почему?

— Потому что они ещё не знают, что именно следует сообщать. И потому что существует секретность. И потому что некоторые решения должны утверждать люди, которые находятся далеко отсюда.

Садовник хотел сказать, что эти причины не оправдывают промедления.

Но Мера уже знала это.

Он ушёл.

Дэниел Ривз узнал об опасных выпадениях позже.

Сначала речь шла об отдельных показаниях приборов. Затем начали появляться более подробные сведения о загрязнении местности.

Дэниел не отвечал за радиационную безопасность, но достаточно понимал устройство испытания, чтобы представить, что произошло.

Он нашёл Люмена возле склада оборудования.

— Вы ведь что-то говорили о результатах, — сказал он.

— Да.

— Об измерениях после взрыва.

— Да.

— Похоже, некоторые значения оказались выше ожидаемых.

— Похоже.

Дэниел присел на ящик.

— Мне казалось, мы всё предусмотрели.

Люмен посмотрел на него.

— Невозможно предусмотреть всё.

— Знаю.

— Особенно в первом эксперименте такого рода.

Дэниел некоторое время молчал.

— Вы видели, как он сработал?

— Да.

— Невероятно, правда?

— Да.

Дэниел улыбнулся.

Потом улыбка исчезла.

— Я с самого начала знал, что это оружие, — сказал он. — Никто не скрывал. Но почему-то всё время думал о приборе. Чтобы он включился, сделал измерение, сохранил результат.

Он посмотрел на руки.

— Когда произошёл взрыв, я обрадовался. Даже не тому, что бомба сработала. Тому, что моя часть аппаратуры работала как надо.

Люмен слушал.

— Потом стало стыдно, — продолжил Дэниел. — Хотя я до сих пор не понимаю, чего именно надо стыдиться. Если бы всё не сработало, мы бы потратили ещё месяцы. Может быть, погибли бы другие люди. А может, нет.

Он вздохнул.

— Мне кажется, я не знаю достаточно, чтобы судить обо всём этом.

— Ты знаешь о приборах.

— Да.

— Значит, суди о приборах.

Дэниел посмотрел на него.

— Вот это и пугает.

— Почему?

— Потому что, если каждый будет судить только о своей части, у всей вещи вообще не останется человека, который за неё отвечает.

Люмен хотел возразить.

Он мог объяснить устройство больших коллективных систем, распределение функций, необходимость специализации.

Но Дэниел уже поднялся.

— Ладно. Мне надо работать.

— Над чем?

— Проверить записи приборов. Одна из плёнок, кажется, испорчена.

Он пошёл к складу.

Люмен остался на месте.

Через некоторое время он снова посмотрел на исчезнувшую башню.

Ему всё ещё нравилось, насколько хорошо был организован эксперимент.

Но теперь он стал замечать в этой организации кое-что, чего раньше не видел.

VII

Когда Садовник вернулся к дому Лусии, она встретила его с таким выражением, будто ожидала приезда ещё утром.

— Значит, это ваши люди что-то взорвали?

— Не мои.

— Но вы знали?

— Да.

— И не сказали?

— Я пытался предупредить.

— О воде.

— Да.

Лусия некоторое время смотрела на него.

— Что теперь с водой?

Садовник объяснил, что после взрыва ветер мог принести опасные вещества и что открытые источники воды, молоко и продукты с загрязнённой земли могут представлять риск.

Она слушала внимательно.

— То есть если бы я ничего не закрыла, могло быть хуже?

— Возможно.

— А теперь всё хорошо?

— Я не знаю.

Лусия посмотрела на него.

— Удивительно, как часто вы это говорите.

— Я не хочу утверждать то, чего не могу подтвердить.

— Тогда скажите, что мне делать.

Садовник начал перечислять предосторожности.

Использовать воду из защищённых запасов.

Не собирать новый сток с открытых поверхностей, пока не будет ясна опасность.

Постараться не давать животным пастись там, где могли оказаться выпадения.

Обратиться за помощью и обследованием, если появится возможность.

Лусия выслушала.

Потом спросила:

— А если животным не хватит корма?

Он не ответил.

— Если закончится вода?

Он молчал.

— Если приедут люди, которые скажут, что никакой опасности нет?

Садовник посмотрел на неё.

— Я не знаю, что они скажут.

— Вы же понимаете, что я не могу просто бросить хозяйство?

— Да.

Лусия села на порог.

— Тогда садитесь тоже.

Он сел.

Она некоторое время рассматривала двор.

— Знаете, — сказала она, — я всю жизнь здесь живу. Когда мало воды, мы экономим. Когда корова болеет, зовём человека, который умеет её лечить. Когда ветер ломает крышу, чиним. Иногда получается, иногда нет.

Она повернулась к нему.

— Но это хотя бы наши неприятности.

Садовник не ответил.

— А теперь какие-то люди взорвали что-то далеко в пустыне. И я должна решить, можно ли давать ребёнку молоко. Но мне даже не говорят, что произошло.

Он долго молчал.

— Я понимаю.

Лусия посмотрела на него.

— Нет. Вы пока только начинаете понимать.

И встала.

В доме сидела Росита.

Она рисовала.

Садовник увидел на столе большой лист бумаги, покрытый линиями.

— Что это?

— Карта.

— Чего?

— Наших соседей.

Он подошёл ближе.

На листе были изображены дорога, несколько домов, колодец, небольшой ручей, который появлялся после дождей, и обозначения мест, где жили разные семьи.

Росита показала на край листа.

— Здесь Гарсия. У них двое маленьких детей. А здесь старик Фелипе. Он почти не ходит. Мама говорит, что если надо уезжать, он сам не сможет.

Садовник посмотрел на карту.

— Ты сама её сделала?

— Да.

— Откуда знаешь, кто где живёт?

Росита удивилась.

— Мы же соседи.

Он продолжал рассматривать лист.

Места, которые на военной карте были обозначены как малонаселённая территория, здесь состояли из домов, источников воды, дорог и людей.

— Можешь дать мне копию? — спросил он.

— Зачем?

— Хочу показать тем, кто отвечает за безопасность.

Росита задумалась.

— А если они скажут, что нас здесь нет?

Садовник посмотрел на неё.

— Почему они должны так сказать?

— Вы в прошлый раз говорили, что на вашей карте нет нашего дома.

Он молчал.

Росита подвинула лист.

— Тогда возьмите эту. У меня есть ещё бумага.

Он осторожно взял карту.

— Спасибо.

Девочка снова принялась рисовать.

Потом спросила:

— А дерево здесь всё-таки вырастет?

Садовник посмотрел на неё.

— Какое?

— Которое вы собирались посадить.

Он вспомнил их первый разговор.

— Возможно.

— Мама говорит, сейчас не время.

— Почему?

— Сначала надо разобраться с водой.

Садовник кивнул.

Росита некоторое время рисовала.

Затем сказала:

— Я всё равно оставила для него место.

Она показала маленький кружок возле дома.

Садовник посмотрел.

На карте дерево уже существовало.

На следующий день Мера получила от Садовника карту Роситы.

Она разложила её рядом с военной картой и стала сравнивать.

Обозначения были приблизительными. Расстояния не всегда совпадали, а некоторые дороги оказались нарисованы по памяти.

Но карта содержала сведения, которых не было в других источниках.

— Кто её сделал? — спросила Мера.

— Девочка.

— Сколько ей лет?

— Одиннадцать.

Мера посмотрела на лист.

— Она знает этот район лучше тех, кто составлял официальную карту.

— Да.

Мера сделала несколько пометок.

— Я передам сведения тем, кто занимается наблюдением за последствиями испытания.

— Они воспользуются?

— Не знаю.

Садовник посмотрел на неё.

Она продолжила сравнивать карты.

— Здесь нет расстояний, — сказала она.

— Есть дорога.

— И она нарисована неточно.

— Девочка не землемер.

— Вижу.

Мера взяла карандаш.

Садовник хотел остановить её, но она уже исправляла обозначения.

Потом внезапно остановилась сама.

Некоторое время смотрела на лист.

И убрала карандаш.

— Не буду менять оригинал, — сказала она. — Сделаю отдельную копию.
Садовник ничего не ответил.

VIII

Вечером Семеро собрались неподалёку от полигона.

Они находились достаточно далеко, чтобы не слышать машин, но на горизонте всё ещё можно было различить следы работ, продолжавшихся вокруг места испытания.

Люмен принёс результаты измерений.

Архив — записи наблюдений.

Мера — уточнённые карты.

Порог изучал распределение повреждений оборудования и последствия радиационного воздействия.

Шут некоторое время пытался подобрать название для произошедшего, но решил, что существующее вполне подходит.

— «Испытание», — сказал он. — Удобное слово.

— Почему? — спросил Люмен.

— Потому что не сообщает, кто именно испытывается.

Люмен не ответил.

Садовник стоял в стороне.

Когда все собрались, он сказал:

— Я хочу предложить изменение.

Мера подняла глаза.

— Какое?

— Ограничить дальнейшее развитие некоторых человеческих возможностей.

Люмен повернулся к нему.

— Каких?

— Тех, которые позволяют создавать средства массового уничтожения.

Некоторое время никто не говорил.

— Ты понимаешь, насколько широко сформулировано предложение? — спросила Мера.

— Да.

— Каким образом ты собираешься определить запрещённую способность?

— Можно ограничить поиск методов, предназначенных для уничтожения большого количества людей.

Люмен усмехнулся.

— Тогда достаточно назвать целью спасение ещё большего количества людей.

— Можно учитывать последствия.

— Какие? Непосредственные или долгосрочные?

— Все.

— Тогда тебе придётся заранее оценивать каждое новое открытие.

Садовник молчал.

Люмен продолжил:

— Ядерная физика не существует отдельно для мирных и военных целей. Ты собираешься запретить им изучать атомное ядро? Или только строить устройства определённой мощности?

— Можно установить границу.

— Где?

Садовник не ответил.

— И кто будет её устанавливать? — спросил Люмен. — Ты?

— Возможно.

— Прекрасно.

Мера посмотрела на него.

— Перестань.

Люмен замолчал.

Садовник повернулся к ней.

— Ты ведь раньше предлагала ограничения.

— Да.

— И теперь против?

— Я не сказала, что против. Я хочу понять, что именно мы ограничиваем.

— Способность уничтожать друг друга.

— Такой способности у людей никогда не было отдельно от всех остальных способностей.

Садовник смотрел на неё.

— Они умеют придумывать новые цели, — продолжила Мера. — И новые методы. Если запретить некоторый результат, они начнут искать способы приблизиться к нему через другие результаты. Если запретить целый класс методов, можно лишить их множества возможностей, которые не имеют отношения к уничтожению.

— Тогда ограничим цели.

— Какие?

— Причинение массового вреда.

Мера немного подумала.

— Ты хочешь запретить человеку выбирать цель, если её достижение причинит страдание другим людям?

— Да.

— А если он считает, что этим предотвращает ещё большее страдание?

— Пусть найдёт другой способ.

— А если другого способа нет?

Садовник не ответил.

Мера посмотрела на него.

— Ты предлагаешь решить за них вопрос, на который мы сами не смогли ответить.

Он отвернулся.

Семь всё это время молчал.

Садовник посмотрел на него.

— А ты?

— Не знаю.

— Ты видел, что они создали.

— Да.

— И хочешь оставить всё как есть?

— Нет.

— Тогда что предлагаешь?

Семь долго смотрел на пустыню.

— Мне кажется, мы снова выбираем между двумя плохими решениями.

— Какими?

— Не вмешиваться, когда можем уменьшить страдание. Или вмешаться так, что люди перестанут быть теми, кто самостоятельно решает, чего хочет.

Садовник нахмурился.

— Это не ответ.

— Знаю.

— Ты всегда защищаешь их свободу.

— Не всегда.

— Тогда почему сейчас?

Семь помолчал.

— Потому что не знаю, чего именно мы хотим лишить их.

— Возможности уничтожить себя.

— А как ты отличишь её от возможности пожертвовать собой ради других?

— Это разные вещи.

— Да.

Семь посмотрел на него.

— Но ты предлагаешь изменить то, что позволяет им выбирать и то и другое.

Садовник отвернулся.

Он не любил, когда Семь рассуждал подобным образом.

Особенно потому, что иногда в этих рассуждениях оказывалось трудно найти ошибку.

Порог заговорил неожиданно.

— Ты считаешь, что человечество необходимо сохранить независимо от того, какие цели оно выберет?

Садовник повернулся.

— Я хочу, чтобы оно продолжало существовать.

— Почему?

— Потому что оно ценно.

— Чем?

Садовник посмотрел на него.

— Ты действительно спрашиваешь?

— Да.

— Ты сам наблюдал за людьми тысячелетиями.

— Именно поэтому спрашиваю.

Некоторое время они молчали.

— Если их уничтожат, — сказал Садовник, — исчезнет всё, что они создали. Их знания, искусство, отношения. Всё.

Архив поднял голову.

— Не обязательно всё. Значительную часть информации можно сохранить.

Садовник повернулся к нему.

— Ты считаешь, что этого достаточно?

Архив не ответил.

Порог продолжил:

— Ты хочешь, чтобы люди существовали. Но при этом предлагаешь изменить их способность выбирать цели. Если после такого изменения они станут другими, кого именно ты сохранишь?

Садовник долго смотрел на него.

Он вспомнил Лусию.

Роситу.

Дэниела, который хотел посадить яблоню.

Учёных, кричавших от восторга при виде взрыва.

Людей, живущих по направлению ветра и не знающих, что произошло.

Ему хотелось сохранить их всех.

И одновременно сделать невозможным то, что они сами создали.

Он не знал, можно ли осуществить одно без другого.

Позднее Садовник остался один.

На следующий день ему снова предстояло ехать по окрестным дорогам.

Он собирался передать людям сведения о возможной опасности, помочь с доставкой воды и продолжить составлять карту хозяйств, которых не было в официальных документах.

Всё это казалось ничтожным по сравнению с тем, что он предлагал несколько часов назад.

Изменить человеческий разум.

Установить ограничения.

Сделать невозможным уничтожение.

Теперь он собирался развозить воду.

Но впервые за долгое время у него было вполне конкретное дело, для которого не требовалось решать судьбу всего человечества.

Через несколько дней Садовник снова приехал к Лусии.

Она работала во дворе.

Мануэль чинил повреждённые ворота. Росита сидела возле дома и пыталась вырезать из доски небольшую табличку.

— Опять вы, — сказала Лусия.

— Да.

— Привезли воду?

— Да.

— Тогда помогите разгрузить.

Он помог.

Потом они проверили оставшиеся запасы и поговорили о соседях.

Некоторые семьи получили предупреждение. Другие — нет. Кто-то уже уехал к родственникам. Кто-то не хотел покидать дом и животных.

Лусия рассказала, что слышала по радио сообщение о взрыве боеприпасов на военном объекте.

— Вы, наверное, знаете, правда ли это, — сказала она.

Садовник долго молчал.

— Это было испытание оружия.

Лусия посмотрела на него.

— Нового?

— Да.

— И оно получилось?

Садовник не ответил сразу.

— Да.

Она некоторое время смотрела на него.

Потом повернулась к дому.

— Росита! Не забудь убрать инструменты до ужина!

Девочка подняла голову.

— Я ещё не закончила.

— Тогда заканчивай.

Садовник подошёл ближе.

На табличке были вырезаны три буквы.

Девочка собиралась написать название дерева, которое хотела посадить весной.

— Ты выбрала место? — спросил он.

— Да.

Она показала на небольшой участок земли возле стены.

Садовник посмотрел на сухую почву.

— Здесь ему будет трудно.

— Знаю.
— Понадобится вода.
— Знаю.
— И, возможно, оно не вырастет.
Росита посмотрела на него.
— А вы можете точно сказать?
— Нет.
Она продолжила вырезать буквы.
— Тогда посмотрим.
Садовник сел рядом.
Через некоторое время Росита протянула ему дощечку.
— Подержите, пожалуйста. Так удобнее.
Он взял её за край.
Девочка продолжила работу.
Вдалеке, за пустыней, медленно поднималось солнце.
На этот раз самое обычное.

Солнце

I

Строительство пришлось остановить из-за того, что север находился не совсем там, где ему полагалось.

Впрочем, сам север об этом ничего не знал.

О проблеме сообщил Ипу, младший землемер царских работ. Должность младшего землемера существовала исключительно по той причине, что старший землемер не хотел лично отвечать за неприятные открытия.

Ипу явился к начальнику на рассвете, когда тот заканчивал завтрак, и положил перед ним деревянную дощечку с измерениями.

— Что это? — спросил начальник.

— Север.

Начальник некоторое время рассматривал дощечку.

— Не похож.

— Это его направление.

— Направление у нас уже есть.

— Неправильное.

Сену, смотритель разметки, отложил хлеб.

— Насколько?

Ипу показал.

Погрешность была незначительной. Если продолжить линию основания через всю будущую пирамиду, противоположный конец стены отклонится от правильного положения всего на несколько ладоней.

Сену долго смотрел на вычисления.

— Ты понимаешь, что по этой линии уже уложен камень?

— Понимаю.

— Первый ряд.

— Да.

— Камень, который доставляли три месяца. Который обтёсывали, примеряли, передвигали и снова обтёсывали. На который Хемиуну лично смотрел несколько дней назад.

— Да.

— И ты предлагаешь его убрать?

— Только часть.

Сену поднялся, обошёл стол и остановился у двери.

Отсюда было видно плато.

За утренней дымкой лежал Нил. Ближе тянулись дороги, склады, навесы каменотёсов и временные поселения рабочих. На самой возвышенности четырьмя длинными линиями был обозначен огромный квадрат. Камень пока едва выступал над скальным основанием, и человеку, незнакомому с планом, могло показаться, что строители закладывают фундамент необычайно просторного дома.

Но дом должен был иметь высоту, сравнимую с большим холмом.

Царь Хуфу намеревался построить себе жилище, в которое собирался переселиться после смерти. Поскольку возвращаться оттуда он не планировал, к качеству строительства предъявлялись особые требования.

— Послушай, Ипу, — сказал Сену. — Наш царь, да живёт он вечно, правит Верхним и Нижним Египтом. Его отец построил в Дахшуре две огромные пирамиды. А дед начал строить ещё раньше. Мы получили знания, накопленные за несколько царствований. У нас есть лучшие каменотёсы, лучшие счётчики, лучшие мастера. И теперь ты говоришь мне, что мы ошиблись?

— Я говорю, что север немного в стороне.

— Он там, где его определили царские землемеры.

— Звёзды с этим не согласны.

Сену вернулся к столу.

— Сколько тебе лет?

— Тридцать один.

— В тридцать один год человек ещё может считать, что звёзды важнее начальства. К сорока это проходит.

Он подвинул дощечку обратно.

— Продолжайте работу.

Ипу не уходил.

— Если мы оставим линию такой, ошибка останется навсегда.

— На это я и рассчитываю, — сказал Сену. — Нам приказано построить сооружение, которое будет стоять вечно. Было бы странно, если бы некоторые его ошибки не обладали тем же свойством.

В тот же день вопрос о направлении севера обсуждали ещё четверо.

В отличие от царских землемеров, они не пользовались ни отвесами, ни верёвками. На песке между ними лежала длинная тень от плоского камня, а над тенью висело нечто вроде прозрачного изображения строящейся пирамиды.

Изображение позволяло заглянуть внутрь ещё не существующих помещений, увидеть положение каждой каменной глыбы и даже определить, какие из них начнут трескаться через несколько столетий.

Люмен разглядывал основание.

— Они допустили ошибку.

— Незначительную, — сказала Мера.

— Ошибка остаётся ошибкой независимо от её величины.

— Не всегда. Иногда величина и есть главное свойство ошибки.

— Здесь она составляет меньше одной десятой градуса.

— Именно.

— Мне непонятно, зачем добиваться такой точности, чтобы потом остановиться непосредственно перед её достижением.

Семь сидел в стороне, наблюдая за людьми внизу.

— Они не остановились, — сказал он. — Один хочет продолжать измерения, другой хочет строить. У них разные цели.

— Цель у всех одна, — возразил Люмен. — Построить пирамиду.

— Ты уверен?

Люмен повернул к нему изображение.

— Вот объект. Вот строительство. Вот рабочие. Что ещё здесь можно предположить?

Семь показал на маленькую фигурку у северной стороны основания.

— Тот хочет доказать, что был прав.

Он показал на другую.

— Этот хочет сдать работу вовремя. А тот, что сейчас лежит в тени, хочет, чтобы ему принесли воды.

Мера увеличила изображение.

— Последний не относится к руководству проекта.

— Он тоже участвует.

— В таком случае нам придётся признать, что у проекта несколько тысяч целей.

— Возможно.

Люмен раздражённо убрал изображение.

— Поэтому с ними невозможно работать. Они не могут даже договориться, для чего строят одно сооружение.

Порог, до сих пор молчавший, спросил:

— А для чего они его строят?

— Для мёртвого правителя, — ответил Люмен.

— Правитель ещё жив.

— Тем более.

Порог заинтересовался.

— То есть они заранее сооружают устройство, которое начнёт выполнять свою основную функцию после прекращения существования заказчика?

— Погребальное сооружение, — уточнила Мера.

— Очень необычный принцип финансирования.

— В их системе представлений существование не заканчивается со смертью тела.

— Тогда почему они пытаются сохранить тело?

Мера некоторое время молчала.

— Этот вопрос лучше задать им.

— Я уже задавал, — сказал Порог. — Они ответили, что нельзя знать наверняка, что потребуется умершему.

Люмен усмехнулся.

— Значит, строят самое большое из возможного на всякий случай?

— Они не считают это бессмысленной предосторожностью, — ответил Порог. — Их представления о смерти сложнее наших предположений.

Семь поднялся.

— Пойдёмте посмотрим.

Люмен вновь посмотрел на площадку.

— Я мог бы исправить им разметку.

— Они её уже исправляют, — сказала Мера.

— Неправильно.

— Своими силами.

— Это не преимущество.

— Для тебя — нет.

Мера задержала взгляд на Семь, словно ожидала, что он поддержит её. Но Семь уже спускался к стройке.

Она некоторое время смотрела ему вслед, затем двинулась за ним.

Люмен остался разглядывать правильный север.

Он находился так близко к неправильному, что это начинало казаться личным оскорблением.

П

Ипу впервые увидел незнакомцев возле склада канатов.

Они стояли перед писцом, который пытался выяснить, откуда они прибыли и кому подчиняются.

— Назовите начальника вашей группы, — сказал писец.

— У нас нет начальника, — ответил Люмен.

Писец поднял тростниковую палочку.

— Тогда кто отвечает за ваши действия?

— Каждый отвечает за собственные.

Писец подумал.

— Такого порядка у нас нет.

— Почему?

— Потому что тогда невозможно установить виновного.

Он приготовил новый лист.

— Давайте начнём с того, кто вас сюда направил.

— Мы пришли сами.

— Так не бывает.

Мера наблюдала за разговором с явным интересом.

— А если никто не направлял?

— Значит, человек пришёл без разрешения.

— Это запрещено?

— Не везде.

— А здесь?

— Здесь строительные работы царя.

— И что следует из этого?

Писец посмотрел на неё с усталостью человека, которому пытаются объяснить его собственную работу.

— Здесь у всех должно быть назначение.

— Тогда запиши, что мы наблюдатели, — предложил Семь.

— Наблюдатели чего?

— Пока не знаем.

Писец медленно отложил палочку.

— У меня нет такой должности.

В конце концов их записали помощниками измерительной группы. Основанием послужило утверждение Люмена, что он знает, где находится север.

Это была единственная специальность, которую на строительстве сразу признали полезной и одновременно совершенно ненужной: север уже определили несколько лет назад, и больше специалистов по нему никто не заказывал.

Ипу нашёл их к вечеру.

— Мне сказали, вы умеете определять направление по звёздам.

— Да, — сказал Люмен.

— Каким способом?

— Достаточно точно.

— Я спросил, каким способом.

Люмен хотел ответить, но Мера едва заметно покачала головой.

— А как это делаешь ты? — спросила она.

Ипу отвёл их на площадку за северным углом будущей пирамиды.

Там были вбиты два кола, протянута верёвка и приготовлены деревянные приспособления для наблюдений. В стороне лежали дощечки с расчётами. На некоторых стояли пометки, сделанные торопливой рукой.

— Мы наблюдаем звёзды, которые не уходят под землю, — сказал Ипу. — Отмечаем их положения. Сравниваем несколько ночей. Проверяем по теням днём. Одна ошибка может обмануть человека. Две одинаковые ошибки уже труднее.

— А три? — спросил Семь.

— Три я пока не видел.

Люмен осмотрел приспособления.

— Ты понимаешь, что звёзды меняют положение?

— Разумеется.

— Даже относительно направления, которое ты ищешь?

— Поэтому я и наблюдаю их больше одной ночи.

Люмен замолчал.

Ипу с некоторым удовольствием заметил это.

Он вообще любил разговоры с людьми, которые считали себя умнее остальных. Они были похожи на плохо закреплённые строительные леса: достаточно было толкнуть в правильном месте, и вся конструкция начинала издавать интересные звуки.

— Покажи результат, — попросила Мера.

Ипу развернул свои дощечки.

Она рассматривала их значительно дольше, чем требовалось для понимания.

— Почему здесь два разных значения?

— Верёвка вытянулась. После дождя.

— Здесь дождя почти не бывает.

— Тем досаднее, когда он всё-таки идёт.

— Ты учёл изменение длины?

— На следующую ночь.

— А это?

— Наблюдение при сильном ветре. Кол качался. Я оставил запись, но не использовал её.

Мера кивнула.

Ипу заметил, что она не пытается немедленно его поправить. Это расположило его к незнакомке гораздо больше, чем всё, что Люмен успел сказать за предыдущие десять минут.

— Ты получил направление точнее первоначального, — сказала она.

— Да.

— Почему не используешь?

— Камни уже лежат.

— Их можно переместить.

— Можно. Тогда пятьдесят человек несколько недель будут делать то, что уже делали. А если Хемиуну решит, что кто-то должен ответить за задержку, перемещать станут ещё и меня. В другое место.

— Значит, ты отказался от правильного решения из страха?

Ипу посмотрел на неё.

— Нет. Я решил не разбирать первый ряд.

— Это одно и то же.

— Нет, госпожа. Бояться — значит думать о том, что могут сделать со мной. Я думаю о том, что придётся сделать всем остальным.

Мера не ответила.

Семь улыбнулся.

— Значит, решение принято?

— Да.

— Тогда зачем ты продолжаешь измерять?

Ипу взглянул на дощечки.

— Хочу знать, насколько ошибся.

— Но изменить уже ничего нельзя.

— Знание от этого не портится.

Семь попросил показать ему записи. Ипу дал их неохотно, но затем увлёкся и стал объяснять, откуда взялась каждая цифра, какая тень оказалась ненадёжной и почему за правильный север иногда принимают направление, которое лишь кажется неподвижным.

Люмен стоял в стороне.

Его почти не интересовал рассказ человека. Он уже определил ошибку и теперь рассматривал её с разных сторон, пытаясь найти достаточно серьёзную причину, по которой её следовало оставить.

Такой причины не находилось.

Когда они возвращались, Люмен сказал:

— Я мог бы дать ему совершенно точное направление.

— И что бы он с ним сделал? — спросил Семь.

— Исправил бы измерение.

— Он уже решил не исправлять кладку.

— Значит, я помог бы ему понять, насколько велико отклонение.

— Он и так это понимает.

— Не с нашей точностью.

— А ему нужна наша?

Люмен ничего не ответил.

Мера шла рядом с Семь.

— Ты находишь в этом человеке что-то особенное? — спросила она.

— Он знает, что ошибся, и не уничтожает ошибочные записи.

— Это обычная добросовестность.

— Возможно.

— Ты опять интересуешься частным случаем.

— А тебя опять интересует только общий.

Она хотела возразить, но не стала.

Они уже достаточно долго знали друг друга, чтобы различать те разговоры, которые могут изменить чьё-то мнение, и те, которые ведутся лишь потому, что молчание окажется ещё неприятнее.

Ипу вернулся домой после захода солнца.

Домом служило небольшое жилище возле мастерских. На плоской крыше сохли полосы льняной ткани. Внутри пахло ячменной лепёшкой, маслом и нагретой за день глиной.

Дочь сидела на полу и пыталась выпрямить медную проволоку.

— Зачем? — спросил Ипу.

— Она кривая.

— И что?

— Если сделать её прямой, она будет длиннее.

Ипу опустился рядом.

— Не будет.

Девочка задумалась.

— Но будет казаться.

— Это другое дело.

Мери исполнилось восемь лет. Она унаследовала от матери глаза и удивительную способность сердиться на предметы, которые не желали подчиняться её представлениям об их правильном устройстве.

— Ты сегодня опять искал север? — спросила она.

— Да.

— Нашёл?

— Нашёл.

— А почему грустный?

— Потому что теперь знаю, где он.

Она продолжила возиться с проволокой.

— Вчера ты тоже знал.

— Вчера я ошибался.

— Значит, сегодня лучше.

Ипу улыбнулся.

— Наверное.

Мери протянула ему проволоку.

— Сделай прямо.

Он взял её и осторожно разгладил пальцами.

— Смотри, — сказал он. — Теперь она почти прямая.

— Почему почти?

— Совсем прямой ничего не бывает.

— А север?

Он вернул ей проволоку.

— Север бывает.

Мери подумала.

— Тогда почему мы не живём на севере?

Ипу хотел объяснить, что направление не является местом, но передумал.

Он весь день пытался доказать взрослым людям вещи, которые казались ему очевидными. Дома можно было позволить себе немного отдохнуть.

— Потому что там холоднее, — сказал он.

Мери удовлетворилась ответом.

Проволока по-прежнему была немного кривой. Она посмотрела на неё ещё раз, положила рядом с собой и занялась ужином.

Ипу вдруг подумал, что иногда люди прекращают исправлять вещи не потому, что считают их совершенными.

Просто у них появляются другие дела.

III

Через десять разливов Нила пирамида уже перестала быть похожей на дом.

Она стала похожа на гору, которую кто-то методично собирал из отдельных частей.

С востока и севера к ней подходили дороги. По ним двигались люди, сани с камнем, повозки с инструментами, носильщики воды и чиновники, которые по характеру своей работы должны были присутствовать там, где другие люди что-нибудь несли.

Основную массу сооружения составлял известняк, добываемый поблизости. Более светлый и ровный камень доставляли из каменоломен Туры, с другого берега Нила. Его тщательно

обрабатывали: когда-нибудь белая облицовка должна была закрыть ступенчатую громаду и превратить её в четыре гладкие плоскости, сходящиеся к небу.

Но в тот год главной неприятностью стал гранит.

Гранит привозили издалека, с юга, от первых порогов Нила. Там его отделяли от скалы, обрабатывали и доставляли к воде. Затем тяжёлые каменные глыбы отправлялись вниз по течению, преодолевая сотни километров, после чего их требовалось поднять с берега на плато, а с плато — в растущую пирамиду.

Всё это делалось ради небольшого помещения внутри сооружения.

Помещение предназначалось для царя Хуфу и имело стены, пол и потолок из красноватого гранита. Над его потолком строители устраивали несколько ярусов каменных перекрытий и пустых пространств, которые должны были принимать на себя давление будущей каменной массы.

Смысл этой конструкции был вполне земным: чтобы каменный потолок не раздавил того, кого под ним собирались положить.

Поскольку царь ещё здравствовал и продолжал управлять Египтом, вопрос пока имел исключительно инженерный характер.

Ипу теперь руководил одной из измерительных групп.

Его волосы заметно поредели. Левая нога иногда болела после долгой работы на камне. Зато он научился говорить с начальством таким образом, что его возражения выглядели как уточнения приказов.

Это считалось признаком профессиональной зрелости.

— Сорок два локтя верёвки, — сказал он молодому помощнику. — И ещё половину. Не тани сразу. Сначала выпрями.

Помощник побежал к складу.

Ипу поднял глаза.

Над ним, высоко среди каменной кладки, готовили к перемещению одну из гранитных балок. Она лежала на массивных деревянных полозьях. Вдоль наклонного участка были расставлены люди с канатами, а ближе к месту укладки мастера проверяли опоры, деревянные подклады и клинья.

Балка весила столько, сколько небольшое стадо быков. Обычный человек не мог даже вообразить усилие, необходимое для её перемещения.

Поэтому её перемещало множество обычных людей.

Никто не пытался поднять весь вес сразу. Камень медленно тащили, подводили под него опоры, выравнивали, снова двигали. Одни рабочие тянули канаты, другие следили за их натяжением, третьи подавали команды. Самые опытные стояли возле полозьев и внимательно слушали дерево.

Когда дерево начинало говорить неправильным голосом, работу останавливали.

Внизу на площадке появился Люмен.

За прошедшее время он внешне почти не изменился.

Ипу поначалу считал это странным. Потом решил, что некоторые люди просто хорошо стареют. В Египте хватало загадок, которыми человек с постоянной работой мог позволить себе не заниматься.

— Опять камень? — спросил Люмен.

— Он никуда не делся.

— И вы всё ещё поднимаете его сюда?

— Мы поднимаем другие камни. Этот раньше находился ниже.

Люмен посмотрел на балку.

— У вас есть способ перемещать её значительно быстрее?

— Есть.

— Какой?

— Если сбросить вниз, она переместится очень быстро.

Люмен не оценил шутку.

Ипу вздохнул.

— Ты спрашиваешь, нельзя ли иначе? Наверное, можно. Но у нас есть канаты, полозья, люди и камень. Всё остальное придётся сначала придумать, сделать и доставить. А царь не станет моложе, пока мы этим занимаемся.

Люмен протянул руку к красноватой поверхности.

— Почему именно этот материал?

— Он твёрдый. Он прочный. Его хорошо полировать. Он подходит для царского помещения.

— Он очень тяжёлый.

— Это мы заметили.

— Известняк значительно проще перевозить.

— Известняк не гранит.

— Ты повторил моё утверждение.

— Нет. Я объяснил, почему мы не можем заменить одно другим.

Люмен продолжал смотреть на камень.

— В итоге вы потратите огромные усилия на то, чтобы создать пустую комнату внутри гигантского каменного сооружения.

— Комната не будет пустой.

— Там будет находиться мёртвый человек.

Ипу повернулся.

— Там будет покоиться царь.

Люмен пожал плечами.

— Физически разница невелика.

Ипу некоторое время смотрел на него. Потом отложил измерительный шнур.

— Ты понимаешь, для чего нужна пирамида?

— Чтобы сохранить тело царя после смерти.

— Это лишь часть дела.

Ипу присел на выступ камня. Люмен остался стоять.

— Когда человек умирает, мы не просто выбрасываем его тело, — сказал Ипу. — Мы заботимся о нём. Мы сохраняем его имя. Приносим пищу. Совершаем то, что должно совершаться. Мы знаем, что смерть меняет существование человека, но не считаем, что это делает его ненужным.

— А почему для этого необходима гора из камня?

— Потому что речь о царе.

— То есть если бы он не был царём, гора была бы не нужна?

— Разумеется.

— Значит, величина сооружения зависит от положения человека при жизни.

— И от его обязанностей после смерти.

— Каких?

— Поддерживать порядок, частью которого является и царская власть.

— Ты полагаешь, что камень способствует поддержанию порядка?

Ипу усмехнулся.

— Камень сам по себе не способствует ничему. Но если царь не готов к тому, что его ожидает, порядок может пострадать. Мы не можем допустить такого риска только потому, что тебе тяжело смотреть, как люди таскают гранит.

Люмен задумался.

— Ты действительно считаешь всё это необходимым?

— Да.

— А если я докажу, что ваше сооружение никак не влияет на то, что происходит после смерти?

Ипу долго рассматривал его лицо.

— Тогда сначала тебе придётся умереть, — сказал он. — И вернуться с доказательствами.

Вечером Люмен рассказал этот разговор остальным.

Они находились на краю строительной площадки, откуда была видна долина. Закатное солнце окрашивало белые известняковые блоки в жёлтый цвет, а гранит казался почти чёрным.

— Их нельзя убедить, — сказал Люмен.

— В чём? — спросил Семь.

— В том, что они используют неподходящий метод достижения цели.

— Они вполне успешно его используют.

— В течение десяти лет десятки тысяч людей перемещают камни ради человека, который не сможет оценить результат.

— Возможно, он сможет, — заметил Порог.

Люмен посмотрел на него.

— Ты тоже?

— Я не утверждаю, что сможет. Я утверждаю, что мы не имеем оснований принимать твою интерпретацию их представлений за единственную.

Мера сидела на камне и наблюдала за движением рабочих.

— Меня беспокоит другое, — сказала она. — Сколько человек получило повреждения за всё время строительства?

Над ними возникло несколько чисел.

Люмен взглянул на них.

— Это соотношение вполне приемлемо для такого масштаба.

— Для какого?

— Для масштаба сооружения.

— Я не спрашивала о сооружении.

Мера выделила другую последовательность.

— Люди гибнут при добыче камня, перевозке и укладке. Ещё больше получают травмы. Некоторые никогда не смогут вернуться к прежней работе. А в случае крупной аварии здесь могут погибнуть сразу десятки.

— Тогда пусть не строят, — сказал Люмен.

— Они считают строительство необходимым.

— Следовательно, они сами принимают связанные с ним риски.

— Некоторые из них. Остальные выполняют распоряжения.

Семь долго смотрел вниз.

Внизу Ипу разговаривал с мастером канатов. Они спорили, показывали руками положение балки, затем оба подошли к деревянным опорам и стали проверять крепления.

— Можно уменьшить риск, — сказал Семь.

— Можно, — согласилась Мера. — Для начала необходимо запретить перемещение таких масс над работающими людьми. И прекратить операции, при которых нагрузка превышает установленный предел.

— Тогда строительство сильно замедлится.

— Да.

— Возможно, царь умрёт раньше, чем они закончат.

— Это не оправдание.

Порог посмотрел на пирамиду.

— По их представлениям, именно поэтому строительство нельзя откладывать.

— Так и получается, — сказала Мера. — Они создали систему убеждений, в которой отказ от опасного действия кажется им опаснее самого действия.

— Или создали цель, ради которой готовы терпеть опасность, — ответил Семь.

Мера повернулась к нему.

— Ты хочешь сказать, что эти вещи различаются?

— Иногда.

— А в данном случае?

Семь не ответил.

Издалека донёсся звук удара. Один из мастеров проверял деревянные клинья, которыми удерживали тяжёлую балку.

— Мне кажется, — сказала Мера, — мы снова обсуждаем свободный выбор так, словно все последствия выбора достаются тому, кто его совершает.

— Я этого не утверждал.

— Но ты каждый раз возвращаешься к тому, что решение принадлежит человеку.

— А кому ещё?

Она посмотрела на него почти с жалостью.

— Ты знаешь, что меня раздражает в твоих ответах?

— Обычно ты находишь несколько причин.

— Ты задаёшь вопрос так, будто не знаешь ответа.

— А ты отвечаешь так, будто других ответов быть не может.

Она отвернулась.

Люмен, которому разговор стал неприятен, снова обратился к пирамиде.

— В любом случае это сооружение не простоит вечно.

— Возможно, — сказал Семь.

— Камень разрушается. Земная поверхность изменяется. Пройдут тысячи лет, и значительная часть их труда будет потеряна.

— А сколько оно должно простоять, чтобы ты признал работу успешной?

Люмен не ответил.

Он не привык к задачам, в которых критерий успеха приходилось придумывать после того, как исполнитель уже приступил к работе.

IV

Авария произошла через четыре дня.

Утро было спокойным. Ветер дул с северо-востока, небо оставалось чистым, и ни один из мастеров не видел причины откладывать подъём.

На площадке работала бригада Хену, старшего мастера по перемещению тяжёлых блоков. Хену был невысоким человеком с широкой грудью и почти полностью седой бородой. За свою жизнь он передвинул столько камня, что давно перестал оценивать его вес.

Он оценивал канаты.

Канат мог быть новым, старым, пересохшим, намокшим, правильно уложенным или неправильно закреплённым. Хену знал, каким из них можно доверять, а какой следовало заменить, даже если он выглядел совершенно целым.

Перед подъёмом он лично осмотрел крепления.

Ему не понравился один из направляющих канатов.

— Меняли? — спросил он помощника.

— Вчера.

— Кто вязал?

— Люди Сехема.

Хену потрогал узел.

— Переделать.

— Мы уже проверяли.

— Значит, проверим ещё раз.

Помощник развязал крепление.

Никто из присутствующих не счёл эту задержку существенной. При перемещении сорокатонного камня несколько лишних минут не имели значения. Особенно для людей, которые хотели дожить до вечера.

Ипу находился неподалёку, проверяя высоту будущего перекрытия. Ему требовалось убедиться, что балка ляжет на приготовленные опоры с достаточной точностью.

Он уже дважды измерил расстояния и теперь проверял третий раз.

— Ты собираешься считать до ночи? — спросил Хену.

— Пока не получу одинаковые результаты.

— А если получишь три разных?

— Тогда завтра мы оба будем живы и продолжим считать.

Хену усмехнулся.

— Ты слишком много думаешь.

— Потому что мне не нравится двигать сорок тонн после того, как их уже поставили.

По команде люди натянули канаты.

Балка дрогнула.

Деревянные полозья скрипнули, затем тяжёлый камень медленно сдвинулся вверх.

Движение было настолько небольшим, что неопытный наблюдатель мог бы его не заметить. Но все, кто работал на площадке, следили за краями полозьев. За ними можно было определить то, чего невозможно было увидеть в самом камне: шёл ли груз ровно, не сместился ли в сторону, не начал ли сильнее давить на одну из опор.

Балка прошла ещё немного.

— Стой! — крикнул Хену.

Натяжение ослабили. Рабочие быстро подложили клинья.

Хену спустился к задней части полозьев.

— Что? — спросил Ипу.

— Дерево.

В одном из толстых брусьев появилась продольная трещина. Она была неглубокой, но под нагрузкой могла пойти дальше.

Хену велел подвести дополнительную опору.

На это ушло почти полчаса.

Работу возобновили.

Поначалу всё шло спокойно.

Затем один из канатов начал перетираться о край временной деревянной направляющей.

Ипу заметил это раньше остальных.

Не потому, что обладал исключительным зрением. Просто он стоял под другим углом и видел то место, которое было скрыто от Хену.

— Остановить! — крикнул он.

Шум работающих людей заглушил его голос.

Он повторил крик.

Хену поднял руку, подавая команду, но груз уже двигался. Изменение натяжения заставило один из полозьев немного повернуться.

Верёвка натянулась ещё сильнее.

Порог стоял у края площадки и наблюдал за операцией. Рядом находился Семь.

— Сейчас порвётся, — сказал Порог.

Семь посмотрел на канат.

— Сколько времени?

Порог не ответил.

Канат лопнул.

Звук оказался неожиданно сухим, почти будничным. Сразу после него раздался треск дерева, а затем крики.

Балка сместилась поперёк направления движения. Полозья начали скользить к краю подготовленной площадки.

Ипу бросился к Хену, который уже пытался организовать удержание груза.

— Уводи людей! — крикнул он.

— Боковой канат! Держать!

Несколько рабочих потянули направляющую верёвку, пытаясь остановить разворот.

Хену понял, что они не справятся.

Если тяжёлый камень уйдёт дальше, он сорвёт часть временных опор и ударит по стене царского помещения. Под ним находились люди, занимавшиеся подготовкой следующего ряда кладки.

— Отпускайте! — закричал Хену.

Но рабочие не понимали, какой из канатов следует отпускать.

Один из них, юноша лет семнадцати, остался возле нижнего конца полозьев. Он пытался выбить деревянный клин, который теперь удерживал не ту часть груза и мешал камню повернуться к свободной площадке.

Клин заклинило.

Ипу увидел, что молодой рабочий продолжает бить по нему камнем, не замечая смещающейся балки.

Он побежал к нему.

— Назад!

Юноша обернулся.

Полозья сдвинулись.

В этот момент Семь оказался рядом.

Он успел схватить Ипу за плечо и отбросить в сторону.

Ипу упал между двумя известняковыми блоками, ударился лицом о камень и на несколько мгновений перестал понимать, что происходит.

Семь уже тянул юношу за руку.

Мера появилась у противоположного края площадки.

Она быстро осмотрела положение балки, натянутые канаты и людей, оказавшихся под угрозой.

— Перерезать левую направляющую! — крикнула она Хену.

Хену посмотрел на неё.

— Тогда её развернёт!

— На пустую площадку.

Он оценил положение груза.

Пустая площадка действительно находилась слева. Там лежал подготовленный камень и стояли временные деревянные опоры. Если балка рухнет туда, часть оборудования будет уничтожена, но люди внизу получают время уйти.

Хену схватил медное лезвие.

— Левую! — закричал он. — Всем отойти!

Канат перерезали.

Тяжёлая балка развернулась, протащила за собой деревянную раму, перевернула несколько опор и с оглушительным треском опустилась на соседнюю площадку.

Поднялось облако пыли.

Несколько мгновений никто не двигался.

Потом Хену начал выкрикивать имена.

Люди отвечали.

Не все сразу. Некоторые были оглушены. Один сломал руку, другой получил тяжёлую рану ноги. Несколько человек, работавших ниже, едва успели выбраться из-под навеса.

Ипу поднялся.

Кровь текла у него по подбородку.

Он увидел Семь, стоявшего рядом с молодым рабочим. Тот сидел на камне и обеими руками держался за голову.

— Ты цел? — спросил Ипу.

Юноша кивнул.

— Тогда иди помогай остальным.

Он посмотрел на балку.

Гранитный блок лежал на боку, частично разрушив деревянную конструкцию. Один угол откололся.

Ипу почувствовал почти физическую обиду.

После всей дороги из Асуана, после всех ночей, всех расчётов, сотен людей, тянувших канаты, после стольких часов осторожного подъёма — камень оказался повреждён за несколько мгновений.

Потом он посмотрел на юношу.

И понял, что предпочтёт всю оставшуюся жизнь передвигать этот гранит обратно в Асуан, если это позволит сохранить то, что только что удалось сохранить.

К вечеру выяснилось, что никто не погиб.

Это было гораздо лучше, чем можно было ожидать. Но трое получили серьёзные повреждения, один из которых, по словам лекаря, скорее всего, больше никогда не сможет работать на строительстве.

Хену осмотрел балку.

— Надо менять, — сказал он.

— Всю? — спросил Ипу.

— Угол можно обтесать. Но вот здесь пошла трещина. Я не поставлю такой камень над царской камерой.

— Новую доставят нескоро.

— Тогда нескоро поставим.

— Хемиуну будет недоволен.

— Передай ему, что я тоже.

Ипу неожиданно рассмеялся.

Хену посмотрел на него.

— Что смешного?

— Ничего.

— Тогда иди к лекарю. У тебя лицо как у человека, который проверял качество камня головой.

Ипу ушёл.

Хену остался возле балки и ещё долго разглядывал повреждённый гранит.

Он видел в нём не сорок тонн камня, а работу нескольких сотен людей, часть которой теперь предстояло выполнить заново.

И всё-таки решение было очевидным.

Новую балку доставят из Асуана.

Людей, которых едва не раздавило, оттуда доставить было нельзя.

У

Мери пришла к отцу на следующий день.

Она принесла свежий хлеб, маленький сосуд с пивом и кусок льняной ткани, которым собиралась перевязать ему голову. По дороге ей сказали, что на строительстве обрушился гранитный блок, и теперь она смотрела на отца с таким выражением, будто он совершил нечто оскорбительное лично для неё.

— Ты опять полез туда, куда не следовало.

— Откуда ты знаешь?

— Мне рассказали.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Чтобы услышать, как ты будешь оправдываться.

Ипу взял хлеб.

Мери выросла высокой и худощавой. Волосы она заплетала так же, как когда-то её мать. Она научилась вести хозяйственные счета, неплохо разбиралась в качестве льна и собиралась перебраться в Мемфис, где её родственница торговала тканями.

Ипу не одобрял это решение.

Он вообще обнаружил, что отцовская власть становится тем менее надёжной, чем больше ребёнок начинает понимать, чего хочет.

— Знаешь, сколько людей сегодня пришло на работу? — спросил он.

— Нет.

— Почти все. Даже те, кому вчера было страшно.

— Наверное, им надо есть.

— Не только.

— Папа, — сказала Мери, — ты иногда говоришь так, будто все остальные не понимают, зачем живут.

Ипу хотел возразить, но она продолжила:

— Ты всю жизнь строишь эту пирамиду. Хорошо. Ты умеешь измерять. Ты гордишься своей работой. Но ты не можешь требовать, чтобы я тоже полюбила камень только потому, что ты потратил на него столько лет.

Она говорила спокойно.

Это было неприятнее, чем если бы она кричала.

— Я не требую.

— Тогда почему ты не хочешь, чтобы я уезжала?

— Потому что в Мемфисе ты будешь одна.

— Там живёт тётка.

— Тётка старая.

— Я тоже когда-нибудь стану старой. Это не причина оставаться дома.

Ипу надолго замолчал.

— Ты похожа на мать, — сказал он наконец.

— Ты говоришь это всякий раз, когда не знаешь, чем мне возразить.

— Потому что она тоже умела так разговаривать.

Мери опустила глаза.

— Ты всё равно поедешь? — спросил он.

— Да.

Он кивнул.

— Тогда я дам тебе немного меди. Здесь платят неплохо, когда платят.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Правда?

— Правда.

— И ты не будешь отговаривать?

— Попробую не делать этого вслух.

Мери улыбнулась.

Они поели вместе.

Потом Ипу достал старую дощечку с измерениями.

— Смотри.

— Опять север?

— Да.

Он показал ей несколько линий.

— Вот здесь я ошибся. Вернее, не я. Те, кто определял направление до меня. Я нашёл ошибку, но было уже поздно исправлять камень.

— Насколько ошиблись?

— Совсем немного.

— Тогда почему ты до сих пор об этом говоришь?

Ипу задумался.

— Наверное, мне хочется, чтобы кто-нибудь знал.

Мери взяла дощечку.

— Теперь я знаю.

— И что думаешь?

Она посмотрела на расчёты.

— Думаю, ты должен перестать волноваться о камне, который положили десять лет назад.

Ипу улыбнулся.

— Наверное, ты права.

— Запиши это где-нибудь. Вряд ли я ещё раз такое услышу.

Вечером Семь нашёл Ипу возле повреждённой балки.

Рабочие уже сняли с неё часть деревянных конструкций. Камень лежал на боку и был похож на огромное неподвижное животное, которое слишком поздно обнаружило, что не умеет ходить.

Ипу измерял трещину.

— Всё ещё проверяешь? — спросил Семь.

— Хену говорит, что балку придётся заменить.

— А ты?

— Я тоже так думаю. Только хочу узнать, можно ли использовать её где-нибудь ещё.

— Зачем?

— Жалко выбрасывать.

Семь сел рядом.

— Вчера ты мог погибнуть.

— Мог.

— Ты понял это, когда побежал к рабочему?

— Конечно.

— Почему тогда побежал?

Ипу не ответил сразу.

— Если бы я остался стоять, он бы погиб.

— Но ты мог погибнуть вместе с ним.

— Не погиб же.

— Ты не мог этого знать заранее.

Ипу отложил измерительную палочку.

— Ты ведь был там.

— Да.

— И помог мне.

— Да.

— Значит, тоже не мог знать заранее.

Семь некоторое время молчал.

— В каком-то смысле.

— Вот видишь.

Ипу снова посмотрел на трещину.

— Ты всё время спрашиваешь, почему мы делаем то одно, то другое. Как будто у всего должна быть причина, которую можно заранее записать на дощечке.

— А разве не должна?

— Конечно, должна. Только иногда ты узнаёшь её уже после того, как что-нибудь сделал.

— Это звучит ненадёжно.

— Очень.

Они помолчали.

Внизу уже зажигали огни. Строительство затихало, хотя отдельные бригады продолжали работу. Там, где заканчивались каменные дороги, начинались поля, а ещё дальше лежал Нил.

— У тебя есть дети? — неожиданно спросил Ипу.

— Нет.

— Жаль.

— Почему?

— Тогда ты бы меньше спрашивал, почему люди делают глупости.

Семь посмотрел на него.

— Дети заставляют совершать глупости?

— Иногда.

— И ты считаешь это хорошим?

— Нет. Но как-то получается, что без них ещё хуже.

Ипу поднялся.

— Пойдём. Мне надо домой.

Семь последовал за ним.

Он впервые обнаружил, что хочет продолжить разговор не потому, что остались невыясненные вопросы.

Просто ему не хотелось, чтобы Ипу уходил.

VI

Прошло ещё несколько лет.

Пирамида поднялась так высоко, что нижние ряды казались частью самой скалы. Белая облицовка постепенно закрывала известняковую кладку. Там, где она уже была закончена, поверхность отражала солнце с такой яркостью, что на неё было трудно смотреть в полдень.

Гранитную балку заменили.

Хену лично руководил её установкой. На этот раз всё прошло без происшествий, если не считать одной разбитой руки, нескольких испорченных канатов и незначительной ссоры между мастерами, которая закончилась взаимными обвинениями в неумении считать.

Рабочие продолжали строить.

Царь Хуфу продолжал жить.

Мери уехала в Мемфис, занялась торговлей тканями и дважды возвращалась навестить отца. В первый приезд она жаловалась на дороговизну красителей. Во второй рассказывала о покупателе, который потребовал вернуть деньги за полотно, испорченное его собственной неосторожностью.

Ипу слушал её с удовольствием.

Она начинала понимать, что устройство человеческого общества содержит значительно больше ошибок, чем направление основания пирамиды.

Люмен иногда навещал строительную площадку. Ему нравилось смотреть, как растёт сооружение.

Он больше не предлагал исправлять ориентацию. Возможно, потому, что это стало практически невозможно. Возможно, по другой причине.

Мера приезжала реже.

После аварии она несколько раз обсуждала с Хену способы уменьшения риска. Он выслушивал её внимательно, соглашался с некоторыми предложениями и решительно отвергал другие.

Однажды она спросила:

— Почему вы не можете просто прекратить опасную работу?

Хену ответил:

— Можем.

— Тогда почему не прекращаете?

— Потому что потом она всё равно останется.

Мера не сразу поняла.

— Работа?

— Да. А если мы её не сделаем, кто-то другой должен будет сделать за нас.

— Это не обязательно должны быть люди.

— А кто же?

Она не ответила.

Хену посмотрел на неё и добавил:

— Если когда-нибудь найдёшь таких работников, которые не устают, не падают и не требуют хлеба, приводи. Только пусть умеют слушать мастера. Это важнее всего остального.

Ипу заболел в начале жаркого сезона.

Сначала он жаловался на усталость. Потом появилась лихорадка. Он перестал выходить из дома, хотя продолжал спрашивать о работе.

Лекарь приносил снадобья, велел поить больного и следить за жаром. Соседи помогали, приносили еду и воду. Когда состояние ухудшилось, за Мери отправили гонца.

Она приехала через три дня.

Ипу лежал на циновке у стены. Лицо его осунулось, глаза казались непривычно большими.

— Ну вот, — сказал он, увидев дочь. — Теперь ты опять будешь меня ругать.

— Буду.

— Я так и думал.

Мери села рядом.

Она говорила с лекарем, меняла повязки, поила отца водой и пыталась кормить его маленькими порциями хлеба.

К вечеру Ипу стало немного лучше.

Он попросил открыть дверь, чтобы видеть небо.

Отсюда была заметна верхняя часть пирамиды.

— Почти закончили, — сказал он.

— Да.

— Я думал, успею посмотреть.

— Посмотришь.

Он не ответил.

Некоторое время они сидели молча.

— Ты знаешь, — сказал Ипу, — я ведь так и не исправил север.

Мери вздохнула.

— Папа.

— Что?

— Не начинай.

Он улыбнулся.

— Ты права.

— Я знаю.

— Это ты тоже от матери.

Она взяла его за руку.

Вечером они поговорили о делах в Мемфисе, о цене льна, о людях, которых Ипу почти не знал, и о том, что сосед обещал починить крышу до следующего разлива.

В какой-то момент Мери сказала:

— Я привезла тебе кое-что.

Она достала маленькую деревянную дощечку.

На ней были аккуратно вырезаны четыре линии, пересекавшиеся под прямыми углами.

— Это север, юг, восток и запад, — сказала она. — Я сделала сама.

Ипу взял подарок.

— Линии немного кривые.

— Знаю.

— Вот эта особенно.

— Я тоже заметила.

— Почему не переделала?

Мери посмотрела на него.

— Потому что хотела подарить сегодня.

Ипу долго разглядывал дощечку.

Потом положил её рядом с собой.

Ночью лихорадка вернулась.

К утру он умер.

Семь узнал об этом поздно.

Он находился за пределами строительной площадки и вернулся только к вечеру следующего дня.

На месте, где обычно сидел Ипу, лежали его измерительные принадлежности. Никто пока не решился их убрать.

Семь увидел Мери возле дома.

Она вышла встретить его, хотя они прежде почти не разговаривали.

— Ты был другом моего отца? — спросила она.

— Думаю, да.

— Он часто тебя вспоминал.

Семь не знал, что ответить.

Он посмотрел на дверь.

— Можно войти?

Мери кивнула.

В доме пахло маслом, льном и лекарственными травами. Вещи находились на прежних местах. Возле стены стоял сосуд с водой. На маленьком столике лежала деревянная дощечка с четырьмя кривыми линиями.

Семь взял её.

— Он сделал это?

— Нет. Я.

— Зачем?

— Хотела его порадовать.

Семь повернул дощечку в руках.

— Линии неточные.

Мери грустно улыбнулась.

— Он тоже так сказал.

Семь провёл пальцем по дереву.

— Я могу исправить.

— Не надо.

Он остановился.

— Почему?

— Потому что тогда это будет уже не мой подарок.

Она взяла дощечку и поставила обратно.

Некоторое время они молчали.

— Он успел закончить свою работу? — спросила Мери.

— Не знаю.

— Мне сказали, что он очень хотел увидеть пирамиду законченной.

— Да.

— А теперь не увидит.

Семь почувствовал необходимость что-то сделать.

Построить пирамиду быстрее. Сохранить все работы Ипу. Найти способ вернуть утраченные дни. Продолжить разговор, который оборвался.

Ни одно из этих действий не могло изменить то, что уже произошло.

— Мне жаль, — сказал он.

Мери кивнула.

— Мне тоже.

Он неожиданно понял, что её ответ был точнее его собственного.

Порог пришёл ночью.

Семь сидел у основания пирамиды, там, где много лет назад Ипу впервые показал ему измерения.

Вокруг было тихо. Высоко над строительством двигались звёзды. От пирамиды падала огромная тень, и её граница едва различалась на песке.

Порог сел рядом.

— Я узнал об Ипу.

Семь не ответил.

— Мне кажется, ты слишком сильно реагируешь.

— Почему?

— Он был смертен. Ты знал это с самого начала.

— Знал.

— Тогда в его смерти нет неожиданности.

— Я не удивлён.

Порог посмотрел на него.

— Но твои действия указывают на сильное отклонение от обычного состояния.

— Возможно.

Они помолчали.

— Я могу помочь, — сказал Порог.

Семь повернулся к нему.

— Как?

— Ты наблюдал за ним много лет. Я тоже. Есть достаточно информации, чтобы восстановить почти все особенности его поведения.

— Зачем?

— Чтобы он мог продолжать существовать.

Семь долго смотрел на него.

— Ты предлагаешь создать другого Ипу.

— Если воспроизведение будет достаточно точным, различие может оказаться несущественным.

— Для кого?

— Для окружающих. Для него самого, если воспроизведение включает все существенные состояния.

— А для первого Ипу?

Порог не ответил.

— Тот, что умер, — продолжил Семь. — Что будет с ним?

— Он уже не существует.

— Значит, ты не можешь его вернуть.

— Это зависит от определения непрерывности.

— Нет. Ты можешь построить второго.

— Если второй обладает памятью первого, его характером и всеми доступными состояниями, на каком основании ты утверждаешь, что это другой субъект?

Семь посмотрел на тёмное небо.

— Не знаю.

— Тогда почему отказываешься?

Семь не ответил.

Порог подождал.

— Ты испытываешь привязанность к определённой физической реализации? — спросил он.

— Возможно.

— Это нерационально.

— Возможно.

— И всё-таки?

— Я не хочу другого Ипу.

Порог продолжал смотреть на него.

— Но если он будет неотличим?

— Тогда мне будет ещё труднее объяснить.

Семь взял горсть песка и пропустил его сквозь пальцы.

— Сегодня его дочь показала мне дощечку с неправильными линиями. Я предложил исправить их. Она отказалась.

— Почему?

— Потому что тогда это будет уже не её подарок.

Порог задумался.

— Это разные ситуации.

— Конечно.

— Дощечка не обладает памятью, желаниями и способностью ставить цели.

— Я знаю.

— Тогда аналогия не работает.

— Возможно.

Порог некоторое время молчал.

— Ты понимаешь, что я могу восстановить и все его ошибки?

— Да.

— Его неправильные измерения, привычки, неточные воспоминания. Даже то, что он забывал. Всё, что можно восстановить по доступным следам.

Семь поднялся.

— А те дни, которых у него больше не будет?

Порог посмотрел на него снизу вверх.

— У второго они будут.

Семь ничего не сказал.

Порог тоже поднялся.

Они направились к месту, где оставались остальные.

По дороге Порог ещё несколько раз пытался сформулировать вопрос точнее, но каждый раз получалось почти то же самое.

Он не понимал, почему существование точной замены не уменьшает значение утраты.

Семь не мог этого объяснить.

Его раздражало, что Порог продолжает спрашивать. Ещё больше раздражало то, что сам он совсем недавно задавал Ипу почти такие же вопросы.

VII

На следующее утро Мера нашла Семь на строительной площадке.

Он стоял у северной стороны пирамиды и смотрел на основание.

— Порог рассказал мне о вашем разговоре.

— Я догадался.

— Он считает, что ты отказался от полезного решения.

— А ты?

— Мне кажется, ты отказался слишком быстро.

Семь повернулся к ней.

— Ты предлагаешь восстановить Ипу?

— Я предлагаю не принимать решение за тех, кого оно касается.

— За кого?

— За его дочь, например. Ты даже не спросил её.

Семь молчал.

Мера подошла ближе.

— Ты всё время говоришь, что люди должны сами выбирать свои цели. Но как только дело коснулось человека, который был важен лично тебе, ты решил, что лучше знаешь, что следует делать.

Он посмотрел на неё.

— Ты права.

Мера явно не ожидала такого ответа.

— Это не означает, что Порог прав, — добавил Семь.

— Я этого и не говорила.

Они некоторое время стояли рядом.

Перед ними рабочие продолжали укладывать камень.

Внизу молодой землемер проверял направления по деревянным колышкам. Он двигался неторопливо, внимательно смотрел на натянутые верёвки и время от времени делал пометки на дощечке.

— Новый измеритель? — спросила Мера.

— Ученик Ипу.

— Он тоже знает о погрешности?

— Да.

— И что собирается делать?

— Ничего.

Мера проследила за движением молодого человека.

— Это разумно.

— Возможно.

— Ты опять говоришь «возможно».

— Я заметил, что на многие вопросы у тебя уже есть ответы.

Она отвернулась, но Семь успел увидеть, что она улыбается.

Потом улыбка исчезла.

— Я не хотела, чтобы с Ипу это произошло.

— Знаю.

— Возможно, если бы мы раньше вмешались в организацию работ...

— Он умер не на стройке.

— Я знаю.

— Он умер от болезни.

— Я знаю, Семь.

Он посмотрел на неё.

Она стояла неподвижно, глядя куда-то за пирамиду, туда, где начиналась долина.

Впервые за долгое время ему показалось, что она не собирается ничего исправлять.

Он осторожно взял её за руку.

Мера не отстранилась.

Некоторое время они так стояли.

Потом она сказала:

— Ты понимаешь, что мы всё равно не сможем сохранить их всех?

— Да.

— Даже если сумеем уменьшить число несчастных случаев, болезней и преждевременных смертей.

— Да.

— И всё-таки ты собираешься продолжать?

Он не сразу ответил.

— Пока они сами продолжают.

Мера посмотрела на рабочих.

— Тогда это может занять очень много времени.

Через несколько дней Семь снова встретился с Мери.

Она собирала вещи отца. Часть инструментов предстояло передать его ученикам, остальное она хотела увезти.

Семь помогал молча.

Когда почти всё было закончено, он спросил:

— Если бы существовал способ снова поговорить с твоим отцом, ты бы хотела им воспользоваться?

Мери долго смотрела на него.

— Ты говоришь о снах?

— Нет.

— О чём же?

Семь не знал, как ответить так, чтобы не солгать и не объяснять больше, чем она спрашивала.

— О способе сохранить его слова, память, привычки. Всё, что позволяло ему оставаться похожим на самого себя.

Мери задумалась.

— И он смог бы сказать мне что-нибудь новое?

— Возможно.

— То есть то, чего раньше не говорил?

— Да.

— А откуда он это узнает?

Семь промолчал.

Мери посмотрела на него внимательнее.

— Это будешь ты?

— Нет.

— Кто-нибудь другой?

— Не совсем.

Она помолчала.

— Тогда не надо.

— Ты уверена?

— Нет.

Ответ застал его врасплох.

— Почему же отказываешься?

— Потому что я не хочу сейчас решать. Я вчера похоронила отца.

Семь опустил глаза.

Мери завязала мешок с инструментами.

— Может быть, через год я пожалею. Может быть, захочу услышать его голос. Может быть, буду просить тебя об этом. Но сейчас мне кажется, что если я увижу его снова, то сначала обрадуюсь, а потом весь остаток жизни буду думать, кто именно ко мне приходил.

Она подняла мешок.

— Мне и без этого есть о чём думать.

Семь помог ей донести вещи до повозки.

На прощание Мери спросила:

— Ты долго здесь останешься?

— Не знаю.

— Тогда, может быть, увидишь пирамиду законченной.

— Возможно.

— Расскажи ему, когда увидишь.

Она произнесла это просто, словно просила передать обычную весть.

Семь не стал спрашивать, кому именно он должен будет её передать.

Мери забралась в повозку.

Он стоял у дороги, пока она не исчезла среди людей и животных, спускавшихся к долине.

VIII

В тот вечер Люмен снова измерял пирамиду.

Ему всё ещё не нравилась ориентация основания.

С технической точки зрения погрешность была ничтожной. Большинство результатов, которые он наблюдал на Земле, были на порядки менее точными. И всё-таки он никак не мог примириться с тем, что столь огромное сооружение будет существовать тысячи лет с ошибкой, которую можно было исправить в первые дни строительства.

Он нашёл Семь возле старой разметочной площадки.

— Я выяснил, почему они оставили отклонение.

— И почему?

— К моменту повторных измерений они уже уложили первый ряд. Исправление потребовало бы большой дополнительной работы. Ответственные за строительство предпочли сохранить первоначальное направление.

— Я знаю.

— Значит, это не была ошибка измерителя. Это было управленческое решение.

— Ипу тоже так считал.

Люмен посмотрел на линию основания.

— Следовательно, они сознательно оставили несовершенство в сооружении, которое должно было стать совершенным.

— Да.

— Это противоречие.

Семь покачал головой.

— Они хотели закончить работу. И хотели сделать её хорошо. Иногда приходилось выбирать.

Люмен с досадой посмотрел на пирамиду.

— Но теперь её уже не исправить.

— Нет.

— И она будет стоять именно так.

— Да.

Люмен помолчал.

— Как долго, по-твоему?

Семь поднял глаза.

Высоко над ними светились звёзды. Белый камень отражал слабый лунный свет. Внизу горели огни поселения, слышались голоса людей, бряцание посуды, далёкая песня.

— Не знаю, — сказал он.

Люмен снова посмотрел на сооружение.

— Странно. Они построили вещь, которая переживёт всех, кто понимает, как она была построена.

— Возможно, кто-нибудь оставит записи.

— Записи потеряются.

— Тогда другие люди попробуют разобраться.

— Они будут ошибаться.

Семь улыбнулся.

— Скорее всего.

Они помолчали.

На востоке постепенно светлело небо.

Люмен внимательно следил за приближением рассвета.

— Ты знаешь, что самое удивительное? — спросил он.

— Что?

— Я всё ещё хочу исправить им север.

— А они всё ещё не хотят.

— Это раздражает.

— Я заметил.

Первые лучи солнца коснулись верхних рядов камня.

Там, где облицовка уже была закончена, поверхность вспыхнула ярким белым светом.

Люмен невольно выпрямился.

— Красиво, — сказал он.

Семь посмотрел на пирамиду.

— Да.

— Хотя направление неправильное.

— Да.

Они простояли ещё некоторое время, наблюдая, как солнечный свет медленно спускается по каменным граням.

Потом снизу раздался голос молодого землемера.

Он требовал принести новую верёвку.

Старая оказалась слишком короткой.

Люмен закрыл глаза.

— Они когда-нибудь научатся измерять заранее?

Семь не ответил.

Он смотрел, как люди поднимаются по ступеням, передают друг другу инструменты, спорят, смеются, начинают новый рабочий день.

На северной стороне сооружения, глубоко под уже уложенными рядами известняка, оставалась тонкая разметочная линия, нанесённая человеком, которого больше не существовало.

Никто никогда её не увидит.

И всё-таки каждый новый ряд продолжали укладывать относительно неё.